

Уроки великого мастера

Основоположник литературы нового, социалистического общества Алексей Максимович Горький, 16-ю годовщину со дня смерти которого мы отмечаем завтра, остается живым, действующим писателем, великим работником литературы, бессменным руководителем, учителем наших современных писателей.

Всей своей полувекковой деятельностью, художественными произведениями, статьями, высказываниями, самым творческим обилием, личным примером Горький и после смерти своей направляет и воспитывает советских художников слова, учит любить свою Родину и ненавидеть ее врагов всеми силами души, зовет писателей к активному участию в большой, созидательной жизни нашей страны.

Высокой социалистической идейности, верности жизни, замечательному художественному мастерству учит Горький наших работников литературы и искусства.

Это мастерство было вдохновлено могучими идеями Ленина и Сталина. Сила этого мастерства в том, что оно подчинено решению огромных жизненных задач, выдвинутых революцией, борьбой за коммунизм.

Горький продолжал в новых условиях лучшие традиции русского реализма. В одном из первых своих произведений, в повести «Горемыка Павел», он сказал: «Я тут не выхожу на сцену ни добрых, ни злых духов. Мой руководит один дух, — это дух правды...»

Писать правду — таков был закон художника, ему он следовал всю жизнь.

В правде стремился лучше русские писатели — недаром слова Горького, записанные новой литературой, переиздаются со словами Толстого — корифея русской реалистической прозы XIX века: «Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Герой Горького — **живые люди**. Каждый из них глубоко индивидуален, обладает той удивительной неповторимостью, секрет которой — в жизненности. Будучи еще молодым художником, Горький создает богатейшую галерею самых разнообразных человеческих образов, характеров, нарисованных с исключительной правдивостью и верностью жизни.

Длинный, костлявый, немного сутулый Челкаш с его медленной, словно крадущейся походкой и быстрым, цепким взглядом; горемыка Павел, который с детства научился не ждать от людей ничего доброго — он смотрит на них исподлобья, хмуро, настороженно, словно жлет udara; и пекарь Коновалов, вкладывавший всю душу в работу и погубленный безумием окружавшей его жизни; сапожник Гришка Орлов, беспокойный, не удовлетворенный привычным полуремеслом существованием человека с нервным лицом и черными, шпундами чего-то глазами; мужик Кирилка, у которого господина на перепаиве, «пути ошдиачи», поспеваю краюшку хлеба селяи; Фома Гордеев, которого, как кулака, сторожат простые люди и, как человека, боятся и ненавидят кулаки... Каждый из них изображен живо и осязаемо.

Писать правду — значит не только воссоздавать жизнь во всем ее богатстве, неповторимости, но и показывать тенденцию, перспективу развития, изображать правду настоящего с высоты будущего.

В царстве Желтого Дьявола, в царстве доллара прозорливый художник увидел обреченность капиталистического мира. Только художник нового мира, ясно являющийся перспективой общественного развития, мог с такой немалой раскрыть бесперспективность буржуазного мира.

И только художник нового мира мог увидеть в людях труда, в рабочих и крестьянах России — хозяев мира, хозяев будущего.

Изображать жизнь в развитии, учить Горький, не значит показывать поспешное, гармоничное, безмятежно-мирное и гладкое развертывание отдельных ее сторон. Это значит раскрывать развитие жизни не в ее противоречиях, в столкновениях, в конфликтах, в борьбе старого и нового.

В недавно вышедшем 17-м томе нового собрания сочинений опубликован горьковский «Рассказ» 1929 года, в котором отражены впечатления писателя от посещения зерносовхоза «Гигант». Всего три с половиной странички занимает этот рассказ-зарисовка, но какое огромное содержание он вобрал!

Писатель говорит о могуществе людей, преобразующих природу, о новой советской технике. Не только результаты, итоги борьбы нового со старым изображает он по самому борю, трудную и сложную. И тем значительнее выглядят каждый успех, каждая победа наступающего мира социализма.

«Коротконогий человек в тяжелых сапогах с серым, словно каменным, лицом, стоит перед новой дыковинной машиной — комбайном, который кажется ему чудовищем из железа и дерева, стоит и разглядывает его, словно ошущивает тяжесть недоверчивым взглядом. Вот машина застучала, тронулась и покатила по земле, сметая колосья хлеба и подхватывая их десятками железных пальцев, и человек побежал за ней, спотыкаясь и не поспевая. Мы читам этот небольшой рассказ, и встает перед нами другие образы, образы новых людей, тех, кто стал у штурвала комбайна, кто вышел трудиться на новом гигантском поле. Мы видим, как постепенно начинает освобождался от унылого неопытного дупа человека, привыкшего изнурять трудиться на земле в одиночку, «жить

без веры в силу разума своего, темной надеждой на тайные силы вне человека». Видим, как трудно, но с неизбежностью ломается, трещит, рушится старый мир. И в то же время ясно ощущаем, что прозорливый взгляд художника устремляется дальше, в будущее.

Рассказ кончается словами о том, что «новые люди способны побороть и суховей, который насмерть выжигает хлеб, и мороз, убивающий зерно в земле».

Писать правду для Горького означало и отстаивать правду в жизни и в искусстве.

«В основе своей, — писал Горький, — искусство есть борьба за или против, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает или изменяет ее, разрушает».

Горький учит наших писателей быть на передовых позициях борьбы нового со старым — не наблюдателями, не «спрошкими», а активными участниками борьбы за коммунизм.

В цикле очерков «По Союзу Советов», представляющем собой писательские этюды к большой задуманной книге о Советской стране, Горький рассказывает и о своих впечатлениях от поездки на Днепроострой, где он осматривал строительство Днепровской плотины.

Сегодня, когда перед всей нашей литературой стоит задача правдиво, художественно отобразить стройки коммунизма, мы с особым интересом, с волнением перечитываем эти горьковские странички.

Пафос утверждения нового мира, пафос переделки жизни — вот что звучит в каждой строке этих очерков.

Простая героическая труд днепроостровцев, Горький нигде не впадает в риторику. В этих очерках, поэтичных набросках с натуры, писатель остается великим художником-реалистом, он не делает себе ни малейшей скидки на «малый жанр», на «сценарийность».

О строителях, рядовых советских тружениках, он пишет просто и ясно, без всякого стремления приподнять их «над» действительностью, оторвать от земли. Горький все время подчеркивает, что чудеса на Днепрострое делают не какие-то особые, не идеальные герои, а живые, обыкновенные, настоящие советские люди.

Эта же черта определяет и его «Рассказы о героях», в которых мы находим изумительные портреты рядовых, скромных, на первый взгляд незаметных, но с героическим упорством, верой в будущее работающих во имя социализма людей.

Горький беспощадно критиковал литераторов, далеких от реальной действительности. Сам он активно, творчески изучал советскую жизнь, стремился всюду побывать, ездил по родной необъятной стране, беседовал с людьми. За каждой горьковской строкой мы чувствуем огромное непосредственное знание жизни.

Произведения Горького являют собой пример совершенно исключительного творческого, жанрового многообразия. Двухстраничный рассказ, легенда, сказание, повесть в прозе, памфлет, пародия, сатирическая сказка, повесть, которая спорит с романом по богатству содержания, роман, который не назывешь романом, ибо это нечто более широкое — огромная историческая эпопея, где сюжетом становится сама история, движущаяся в ярких, типичных, соборных образах, — комедия, драма, воспоминания об увиденном и пережитом, раздумья о будущем, — да разве можно исчислить, переписать все это неисчерпаемое богатство художественных форм и жанров!

Горький учит наших писателей не сводить новое жизненное содержание в заранее приготовленные жанровые рамки, а смело, творчески опираться на все богатство, накопленное русской литературой, искать новых форм для выражения своего богатства и многообразия жизни. Творческой смелости учит наших писателей великий художник-новатор.

Горький пользуется гиперболами, смелыми и яркими метафорами, символами, но все эти поэтические приемы выступают у него не как декоративно-красивые приписки к описанию, не как словесная бутылочка, но как средство раскрыть ядро и сильно неповторимое своеобразие жизненного процесса.

Писать правду, отстаивать ее может лишь тот писатель, который владеет всеми видами, всем богатством, всем арсеналом художественных средств, — таков завет Горького. Не может быть подлинным художником тот, кто не овладел языком, этим «первозданством» литературы.

Раскрывая горьковскую книгу, слушаю по радио его песни, мы сразу же, по нескольким фразам, отличаем и узнаем свободную, обращенную в завтра речь Илья, богатую яркими, крылатыми выражениями, в которых утверждается новая мудрость, мудрость нового человека; узнаем речь Егора Булуцкого — крепкую, словно пропитуемую посланицам и поговоркам, узнаем его «козачий» голос, голос ветреного человека, прошедшего жизнь не на той улице; и неуклюже спотыкающуюся, взвешенную, мучительно-нескладную речь горемыки Павла... каждого из горьковских героев мы не только видим, но и ясно слышим, так что могли бы даже узнать с закрытыми глазами, настолько запомнились нам их голоса.

В духовной жизни советского общества, в развитии нашей, самой передовой культуры велика роль гениального русского художника, великого вдохновителя борьбы за коммунизм, мастера слова Алексея Максимовича Горького.

Следуя по горьковскому пути, советские литераторы завоевывают новые творческие победы.

Пятнадцать лет назад в Москве, на улице Воробьевской, в старинном особняке с белыми колоннами открылся Музей А. М. Горького. Около миллиона человек ознакомилось за эти годы с материалами музея.

Громадный интерес к жизни и творчеству великого писателя проявляют советские люди самых различных национальностей, профессии, возраста.

12 июня 1952 года. В этот день среди лиц, посетивших музей, были рабочие, школьники, военнослужащие, научные работники, были трактористы с Гозака, инженер, винодел, врач, слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина, студент из Якутии, художник, агроном из Казахстана, учитель из Подольска...

Но самые частые гости музея — юноши и девушки, школьники. Нет в Москве школы, которая не приводила бы сюда своих воспитанников.

Из года в год растут миллионы тиражи произведений А. М. Горького. В одном из залов есть стенд, украшенный бахшей из стекла, на котором светятся две надписи: «58 миллионов книг М. Горького издано в СССР с 1918 по 1951 гг.». На 70 языков народов СССР переведены произведения А. М. Горького. Вспомним: в царской России тираж книг писателя немногим превышал миллион экземпляров.

Слова Горького распространились далеко за пределы нашей Родины. На Западе и Востоке книги его читают миллионы людей, имя его дорого передовым людям всех стран. Особенно много произведений великого русского писателя выпускается в Китае. Эти издания занимают большой стенд в зале, посвященном теме борьбы Горького за мир. Китайский писатель Мао Дунь в одном из своих высказываний заявляет, что прогрессивные писатели узнавали от произведений Горького не только «боевой дух писателя, но научились тому, как любить и ненавидеть, что любить и ненавидеть. Жизненный путь Горького научил нас и тому, как должен жить писатель, если он не отрывается от народа».

Связь Горького с народом — в экспонатах каждого зала. 14-й том собрания сочинений А. М. Горького. Переплет и листы книги А. М. Горького, передел и листы книги, написанные в 1943 году под Новороссийском осколком вражеского снаряда.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 73 (2946)

Вторник, 17 июня 1952 г.

Цена 40 коп.

А. М. Горький. 1934 год. (Снимок публикуется впервые).

Фото Н. ГРАНОВСКОГО

В музее А. М. Горького

Пятнадцать лет назад в Москве, на улице Воробьевской, в старинном особняке с белыми колоннами открылся Музей А. М. Горького. Около миллиона человек ознакомилось за эти годы с материалами музея.

Громадный интерес к жизни и творчеству великого писателя проявляют советские люди самых различных национальностей, профессии, возраста.

12 июня 1952 года. В этот день среди лиц, посетивших музей, были рабочие, школьники, военнослужащие, научные работники, были трактористы с Гозака, инженер, винодел, врач, слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина, студент из Якутии, художник, агроном из Казахстана, учитель из Подольска...

Но самые частые гости музея — юноши и девушки, школьники. Нет в Москве школы, которая не приводила бы сюда своих воспитанников.

Из года в год растут миллионы тиражи произведений А. М. Горького. В одном из залов есть стенд, украшенный бахшей из стекла, на котором светятся две надписи: «58 миллионов книг М. Горького издано в СССР с 1918 по 1951 гг.»

«На 70 языков народов СССР переведены произведения А. М. Горького. Вспомним: в царской России тираж книг писателя немногим превышал миллион экземпляров.

Слова Горького распространились далеко за пределы нашей Родины. На Западе и Востоке книги его читают миллионы людей, имя его дорого передовым людям всех стран. Особенно много произведений великого русского писателя выпускается в Китае. Эти издания занимают большой стенд в зале, посвященном теме борьбы Горького за мир. Китайский писатель Мао Дунь в одном из своих высказываний заявляет, что прогрессивные писатели узнавали от произведений Горького не только «боевой дух писателя, но научились тому, как любить и ненавидеть, что любить и ненавидеть. Жизненный путь Горького научил нас и тому, как должен жить писатель, если он не отрывается от народа».

Связь Горького с народом — в экспонатах каждого зала. 14-й том собрания сочинений А. М. Горького. Переплет и листы книги А. М. Горького, передел и листы книги, написанные в 1943 году под Новороссийском осколком вражеского снаряда.

Другой волнующий экспонат: «Детство» Горького, и вдоль страницы — надписи: «Просим сохранить эту книгу как реликвию нашей боевой истории... В ней мы находим самые близкие чувства любви к человеку и ненависти к врагу...» Это дар от личного состава Н-ской батареи Черноморского флота. В другом зале, в большом стеклянном шкафу — подарки Горькому от народа: макет корабля «Максим Горький», искуснейший письменный прибор от художников-палехан, охотничьи ружье от пролетариев города Тулы... Имя Горького дорого и простым людям, живущим за пределами СССР. Шахтеры из города Билина (Чехословакия) прислали модель шахтерской лампочки и «Крестный лист» о присоединении шахты «имени великого писателя братского русского народа Максима Горького».

Наши иностранные друзья, в частности писатели стран народной демократии, которые близки и дороги гуманистические идеи Горького, — неперемные посетители музея. За последний год здесь побывали делегации Албании, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Китая.

Научная сессия по языкознанию

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В течение двух дней в конференц-зале Академии наук СССР проходила научная сессия, посвященная 2-й годовщине со дня опубликования гениальных трудов товарища И. В. Сталина о языкознании. Она была созвана ленинградскими секторами Института языкознания совместно с языковедными высшими учебными заведениями города.

Сессию открыл член-корреспондент Академии наук СССР С. Г. Бархударов. С докладом «Два года развития языкознания по сталинскому пути» выступил директор Института языкознания Академии наук СССР академик В. В. Виноградов.

Докладчик рассказал о том, как развивалось советское языкознание за прошедшие два года. Ученые много сделали для преодоления антинаучных марксовского взглядов в языкознании. Улучшилась подготовка молодых специалистов, повысился научный уровень докторских и кандидатских диссертаций, более актуальной стала их тематика. Были проведены дискуссии по различным вопросам языкознания. Издан ряд научных трудов и исследований, в том числе сборник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Продолжается работа по составлению словарей и грамматик национальных языков народов СССР.

Наряду с этим ощущается острая нужда в новых учебниках и учебных пособиях, создать которые необходимо в самое ближайшее время. В заключение В. В. Виноградов остановился на вопросах изучения языка художественной литературы.

После доклада развернулась дискуссия по вопросам периодизации истории литературного языка. В дискуссии приняли участие академики В. Ф. Шингарев, член-корреспондент Академии наук СССР В. М. Жирмунский, профессор Н. П. Гринкова, В. Н. Ярцева и др.

Вечер памяти П. Павленко

Вчера литературная общественность столицы отметила первую годовщину со дня смерти замечательного советского писателя-большевика Петра Андреевича Павленко. В Центральном доме литераторов, где состоялся вечер памяти писателя, развернута выставка, посвященная его жизни и творчеству.

Выставка показывает большой литературный и общественный путь писателя. Вот стенд, где размещены различные удостоверения, выданные Павленко редакциями газет; рядом — делегатский билет XIII съезда партии (первое съезде после смерти В. И. Ленина), мандаты краевых и областных партийных конференций. На других стендах — книги, статьи, сценарии Павленко на русском, а также переведенные на английский, чешский и другие языки. Вот кадры из фильмов, снятых по сценариям, написанным Павленко, и среди них — кадры сценария «Славься, народ!».

На отдельном столе представлены материалы, отражающие деятельность П. А. Павленко как активного борца за мир.

На вечере памяти писателя председательствовал К. Федин. Доклад о творчестве Павленко сделал Е. Сурков. Выступили М. Аллер, Б. Горбатов, В. Катаев, В. Луговской, Г. Милван, А. Софронов, Н. Тихонов и другие.

Однотомный словарь русского языка

Государственное издательство иностранных и национальных словарей выпустило второе, дополненное издание однотомного словаря русского языка С. И. Ожегова. Словарь содержит 52.000 слов современного русского литературного языка.

Наряду с основным словарным фондом русского языка в словарь включены новые слова, которые вошли в общественное употребление. Дано толкование иностранных слов и указаны стилистические особенности их употребления. В предисловии приведены указания о правильном произношении.

Фарж. Вы — лейтенант американских вооруженных сил Джона Куинн?

Куинн. Да, я из Пасадены, Калифорния.

Фарж. Мы пролежали это длительное путешествие, чтобы побеседовать с вами. Ваши показания имеют дополнительное значение. Они служат дополнительным материалом к другим сведениям, которые являются неопровержимыми доказательствами того, что была развязана бактериологическая война. Люди во всем мире глубоко встревожены этой войной, которая является вызовом цивилизации. Я вижу, что вы честный американец, подобный многим другим, известным мне американцам, верящим в человечество, человек с совестью, который хочет воспитывать своих детей в духе нравственности. Ваш поступок вызвал уважение всех честных людей, которые возмущены преступным развязыванием бактериологической войны. Мой друг, французский писатель Клод Руа, который в свое время читал лекции о французской литературе в коллеже Миллс в Окленде, Калифорния, и я прибили сюда, чтобы зафиксировать ряд вопросов, которые мы считаем важными. Руа будет переводить ваши ответы. Мы приехали сюда, чтобы поговорить с вами свободно и, можно сказать, по дружбе. Здесь нас трое, включая австралийского журналиста Уилфреда Барчета, а также механика, который записывает разговор на магнитофон. Вот мой первый вопрос: что побудило вас сделать признания?

Куинн. Главным образом — моя совесть. Я пришел к выводу, что такой способ ведения войны несправедлив. На меня повлияли также искренность китайских добровольцев и их гуманное отношение к военнопленным.

Фарж. Как следует из ваших слов, вы не подвергались пыткам или какому-либо моральному или физическому воздействию?

Куинн. Нет. Как раз перед тем, как меня сбросили, мне говорили, что, судя по известным сведениям, пленных не расстреливают и не пытают. Но, сказав по правде, я думаю другое. Я определенно считал, что китайцы — и азиаты вообще — мало ценят человеческую жизнь. Я считал, что для них пытки что-то вроде развлечения. Их психология представляется мне таинственным комплексом, который люди западного мира не могут понять. В моем сознании рисовались стальные и деревянные иглы, загоняемые под ногти, голодная смерть, моральные и физические пытки — обо всем этом я читал. И прошло много времени до того, как будущее — даже несмотр...

Беседа Ив Фаржа с военным летчиком США Джоном Куинном

Известный французский общественный деятель Ив Фарж беседовал недавно с лейтенантом американских вооруженных сил Джоном Куинном. Американский лейтенант принял участие в развязанной правительством США бактериологической войне в Корею и Северо-Восточном Китае. Он был сбит и пленен.

Джон Куинн открыто признался в совершении американской военной преступности и в беседе с Ив Фаржем объяснил, что побудило его сделать это признание. Ниже мы публикуем запись этой беседы, переданной по телефону «Литературной газете» Ив Фаржем.

Фарж. Мы пролежали это длительное путешествие, чтобы побеседовать с вами. Ваши показания имеют дополнительное значение. Они служат дополнительным материалом к другим сведениям, которые являются неопровержимыми доказательствами того, что была развязана бактериологическая война. Люди во всем мире глубоко встревожены этой войной, которая является вызовом цивилизации. Я вижу, что вы честный американец, подобный многим другим, известным мне американцам, верящим в человечество, человек с совестью, который хочет воспитывать своих детей в духе нравственности. Ваш поступок вызвал уважение всех честных людей, которые возмущены преступным развязыванием бактериологической войны. Мой друг, французский писатель Клод Руа, который в свое время читал лекции о французской литературе в коллеже Миллс в Окленде, Калифорния, и я прибили сюда, чтобы зафиксировать ряд вопросов, которые мы считаем важными. Руа будет переводить ваши ответы. Мы приехали сюда, чтобы поговорить с вами свободно и, можно сказать, по дружбе. Здесь нас трое, включая австралийского журналиста Уилфреда Барчета, а также механика, который записывает разговор на магнитофон. Вот мой первый вопрос: что побудило вас сделать признания?

Куинн. Главным образом — моя совесть. Я пришел к выводу, что такой способ ведения войны несправедлив. На меня повлияли также искренность китайских добровольцев и их гуманное отношение к военнопленным.

Фарж. Как следует из ваших слов, вы не подвергались пыткам или какому-либо моральному или физическому воздействию?

Куинн. Нет. Как раз перед тем, как меня сбросили, мне говорили, что, судя по известным сведениям, пленных не расстреливают и не пытают. Но, сказав по правде, я думаю другое. Я определенно считал, что китайцы — и азиаты вообще — мало ценят человеческую жизнь. Я считал, что для них пытки что-то вроде развлечения. Их психология представляется мне таинственным комплексом, который люди западного мира не могут понять. В моем сознании рисовались стальные и деревянные иглы, загоняемые под ногти, голодная смерть, моральные и физические пытки — обо всем этом я читал. И прошло много времени до того, как будущее — даже несмотр...

ря на хорошее обращение со мной и, как я заметил, со всеми пленными — стало рисоваться мне радужнее. Когда меня допрашивали по поводу бактериологической войны, мои опасения возникли вновь. Позже, когда моя совесть потребовала признания того, что я участвовал в бактериологической войне, я пришел к выводу, что мои сомнения были неосновательными. Ко мне всегда относились только доброжелательно. Мои показания абсолютно не отразились на этом отношении.

Фарж. Таким образом, считаете ли вы, что если человек хочет быть достойным называться человеком, то его долгом является осуждение военных преступлений. — а бактериологическая война является наиболее ужасным из таких преступлений. — даже если он и солдат?

Куинн. Да. В данном случае это моя обязанность не только перед американским народом, но и перед народами всего мира. Этот долг является военным долгом.

Фарж. Значит, разговоры с офицерами китайских народных добровольцев привели к тому, что вы осознали свою вину?

Куинн. Да. Допрашивавшие меня китайские добровольцы всегда проявляли понимание. Они понимали, что мне было трудно решить, что является правильным. Со мной разговаривало много китайских офицеров, и все они проявляли доброту. Они во всех своих вопросах апеллировали к моему сознанию. Я уже понимал, какого рода катастрофы для человечества является такого рода война. Я ясно понимаю необходимость прекратить ее сейчас. Позже, я стал понимать, что смогу помочь в деле объявления вне закона бактериологической войны. И когда я, наконец, убедился, что китайским добровольцам нужны для этого мои показания, которые могут принести пользу народам мира, и что мои показания не будут направлены против Соединенных Штатов, что они послужат на пользу народу Соединенных Штатов, а также всему остальному миру, и что я даю эти показания не против народа Соединенных Шта...

тов, а только против горстки безумцев, которые называют себя американцами, — я добровольно признался в своем участии в бактериологической войне и рассказал все, что я о ней знаю.

Фарж. Вам внушалась мысль, что желтая раса является низшей расой... Здесь вы опровергли эту гигантскую ложь, заявив, что с вашими товарищами, находящимися здесь, в плену, хорошо обращались... Главное сейчас для всех нас — это бороться против военной пропаганды таким образом, чтобы все люди прониклись такой же решимостью покончить с ней, как и вы.

Куинн. Совершенно согласен. Против расовой ненависти необходимо вести борьбу.

Фарж. В своем заявлении вы упоминаете имена 21 других офицеров, солдат и гражданских лиц, которым, как и вам, было известно о подготовке бактериологической войны, причем некоторые из них сами принимали непосредственное участие в этой подготовке. Ручаетесь ли вы своей честностью, что названные вами имена точны, что эти люди действительно существуют, что они являются вашими коллегами, товарищами и что они читали вам лекции и инструктировали вас?

Куинн. Эти люди существуют, и они были моими коллегами. Приведенные мной имена, поскольку я их знаю, являются точными.*

Фарж. Само собой разумеется, что названные вами лица не только рассказали правду. На них оказывается, как это было и с вами, ужасное давление. Тем не менее мы убеждены, что бактериологическая война ведется в широком масштабе. Она подготовляется длительное время и в мельчайших деталях с привлечением больших ресурсов. Это дает основание считать, что большому количеству американцев известно то, что я знаю вы. Не захотели ли бы вы обратиться к их совести, чтобы помочь разоблачению этой опасности для человечества?

Куинн. И обращаясь не только к ним, но и ко всем тем, кто может помочь поста...

вить вне закона бактериологическую войну и сделать это таким образом, чтобы к ней никогда больше не прибегали. Я, конечно, никогда не слышал о том, что есть какая-либо реальная, которая оправдывала бы использование оружия, направленного преимущественно против гражданского населения, против женщин и детей.

Фарж. Вы религиозны?

Куинн. Да, я католик.

Фарж. Известно ли вам, что многие католики — священники и монахи — принимают участие в движении за мир?

Куинн. Да, я узнал об этом после того, как меня сбросили.

Фарж. Не хотите ли вы, чтобы я взял с собой от вас письмо для вашей жены, которую я мог бы переслать из Европы, а также, чтобы я написал ей о том, что разговаривал с вами, что вы здоровы и находитесь в хорошем настроении?

Куинн. Конечно.

Фарж. Джон Куинн, борьба за мир требует большого мужества. У вас его много. Ваш поступок будет оценен американским народом, когда мы все вместе сделаем все необходимое, чтобы разоблачить преступление бактериологической войны и всю ту ложь, под прикрытием которой они совершаются. Мы уже многое сделали для этого. Вы оказали огромную услугу народам мира и, в первую очередь, народу Соединенных Штатов.

ГДЕ ТО В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

(По телеграфу)

Это заявление Джона Куинна убедительно свидетельствует о политике американских правящих кругов, стремящихся к развязыванию войны между народами, к применению бактериологического оружия. Только из разговоров с китайскими офицерами, как это яствует из заявления пленного американского солдата, он понял ту опасность, от которой еще 27 лет назад в Женеве был подписан протокол, запрещающий применение на войне отравляющих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Затем в этом протоколе было внесено изменение 11 государств. Известно, что Соединенные Штаты не ратифицировали этого протокола. (Ред.)

Временные показания Куинна, авторграф которых опубликован в недавнем номере «Литературной газеты», являются ценным источником информации о применении бактериологического оружия в Корею, приводятся данные о той атмосфере секретности, в которой спецслужбы прибегали к использованию этого вида оружия.

Куинн привел в этом заявлении список известных ему имен офицеров, присутствовавших на инструктаже. (Ред.)

КРАСНОАРМЕЙСКИ — НАЛАЧ

СТАЛИНГРАД (Наш корр.). Не ищите географических учебника даже за этот год названия — Красноармейский рейд. Только 1 июня у берега южнее Сталинграда, где не так давно можно было встретить лишь одинокую рыбацкую лодку, появились первые теплоходы, направляющиеся к Дону.

Сегодня Красноармейский рейд подвигает многим, давно существующим. С верховья Волги, Каспия, Камы, Канала имени Москвы сюда подходят суда, путь которых лежит в Дон, в Цимлянское море, на Ростов.

Мы уже сообщали о теплоходе «Вышин-

ский, который с баржей на буксире направляется через канал в Цимлянское море, к городу Азову. Два дня назад прибыла огромная баржа водоизмещением в несколько тысяч тонн с бакинской нефти; сегодня она начала подниматься по волюскому склону. В рейс до Калача отправился теплоход № 307, ведущий сухогрузную баржу.

Сегодня же на Красноармейский рейд вернулся теплоход № 306, который первым совершил рейс от Красноармейска до Калача и первым же прошел канал с востока на запад и обратно.

ский, который с баржей на буксире направляется через канал в Цимлянское море, к городу Азову. Два дня назад прибыла огромная баржа водоизмещением в несколько тысяч тонн с бакинской нефти; сегодня она начала подниматься по волюскому склону. В рейс до Калача отправился теплоход № 307, ведущий сухогрузную баржу.

Сегодня же на Красноармейский рейд вернулся теплоход № 306, который первым совершил рейс от Красноармейска до Калача и первым же прошел канал с востока на запад и обратно.

Тет тридцать пять стаяки, жившие в селе Большая Грибановка, говорили: «Что мы знаем — в лесу живем, плем влажненькая». Теперь газета, радио, электрический свет прочно вошли в каждую семью. В каждой семье есть учащиеся в средней школе, немало молодежи и девушек — в техникумах Борисовского и в вузах областных городов и столицы.

В центре села расположен районный Дом культуры с кинотеатром. На стадионе и спортивных площадках устраиваются футбольные состязания. В прошлом году была проведена районная спартакиада, особенно успешно прошли велосипедные гонки.

В Грибановке много и хорошо поют. Любят музыку, радиопередачи опер и концертов пользуются огромным успехом.

И вот в этой же самой Большой Грибановке где так сильно тяга к учебе, к искусству, к спорту, мы среди беда дна с изумлением наблюдаем такие зрелища: компания мужчин лет сорока-пятидесяти, изживших на себя юбки и женщин, перодевых мужчинами, движется по улице. На некоторых «рыжених» вывернутые наизубок подшубки, на одной ноге — валенок, на другой — лапоть. Иные закутаны в рваные мешки, рогожины, обвешаны тряпками, веревками. Вот старик с вымазанным сажей лицом азартно выбивает дробь козочки о печную заслонку. С шумом и визгом толпа идет мимо кинотеатра, мимо библиотеки, мимо отдела культурно-просветительской работы. Это родные вышедшей накануне замуж девушки направляются к дому жениха искать «пропажу».

В это время тщетна всякая попытка урезонить бесстыдную компанию. Пьяные или опустошающие или обругают. Но назавтра, когда «герои» безобразного маскарада появляются в общественных местах, они несколько смущены.

Одному колхознику, зашедшему в управление колхоза «Авангард», председателю артели, агроном Галина Михайловна Складнева говорит: — Как вам не стыдно! Ведь у вас дочь в восьмом классе, сын в девятом. А вы, как шаман с бубном... Позор!

Мужчина краснеет, невнятно оправдывается: — Обычай такой... Исконок веков...

Сохраняли также в Грибановке обычай, унижающий достоинство девушек: через все село провозят постель невесты, на всеобщее обозрение выставляются постельные принадлежности.

— Вы бы лучше трудовую книжку ее несли с почетом, — скажет кто-нибудь. — Там у нее пятдесят трудовая, есть чем погордиться. А вы постель хвастаете.

Провожатые постель отвечают: — По нам завешено... Обычай...

А что же молодежь? Не протестует ли она? К сожалению, нет.

В середине мая вступили в брак Евгений Бобровский, кандидат партии, один из лучших трактористов МТС, и девушка из артели имени Калинин, активная колхозница. В церкви они не венчались. Но весь этот нелепый свадебный ритуал был соблюден полностью. Старая форма вала в плен, заслонка на какое-то время своего содержания — свободный союз любящих людей, материально независимых, гордых в своем творческом труде.

Над взять сквернословие. К стыду нашему, позорный пережиток этот очень распространен.

Когда молодой, красивый, любящий понравится бригадир Селевнев начинает сквернословить, Складнева говорит ему: — Лена, костюм на тебе новый, галстук модный, но смотреть на тебя сейчас противно. Помнишь сказку, где злую мачеху дочь волшебница наказала? Вот и с тобой то же происходит: откроешь рот, а из него жабы — шлеп, шлеп... Представь сам, как это безобразно, как ты уродлив!

Порицающие метод! Самолюбивому парню, для которого хулиганские словечки своего рода щеголяние, во всеулыбчиво объясняется, что он не только не «шкаррен», а, напротив, безобразен, что он вызывает отвращение. Интерес к словесному бесстыствию пропадает.

Селевнев еще не совсем излечился от своего порока, но стал сдерживаться.

Некогда в Грибановке, как и в других воронежских деревнях, бывали кулачные бои. Как правило, они заканчивались победой нескольких человек, а иногда и смертельным случаем. Теперь эти пережитки «спортивные забавы» отошли в прошлое. Грибановская молодежь увлекается футболом, волейболом, легкой атлетикой.

Но драки в пьяном виде все же еще случаются.

Есть в «Авангарде» развитой, умный колхозник средних лет. Трудится он на службе, а в ответственные моменты сельскохозяйственных работ прямо-таки самоотверженно. А потом выпьет, и пьяному ему обязательно хочется подраться. Прямо руки чешутся.

Вот в такой момент, когда пьяный идет повода «помохать руками», к разгулявшемуся удаляющемуся подходит женщина.

— Эй, ты, буян, буян, — говорит она миролюбиво, но с отрезывающей интонацией, — поди-ка ты на плотину, пусть тебя ветерком обдует... Да песню споет.

Песню этот человек любит до страсти. Так что, бывает, он и послушается. Выйдет на ту самую плотину, которую прошлой весной отчаянно храбро отстаивал от напора стихии, взглянет на ширь колхозного пруда и поет, поет во все горло.

Устав, притихший, смягченный, скажет: — Красота-то какая!.. Вот почему Шаляпин на Волге родился — его вода петь заставила...

Галина Михайловна Складнева придает большое значение воспитательной роли песни, музыки, литературы. Она вела в практику чтение вслух журналов и коллективное слушание радио в правлении колхоза. Перед началом весеннего сева и после уборки урожая она организует встречи актива колхозников с бригадами трактористов. Вечера по-настоящему культурные: с народно-убраным столом, с художественной самодеятельностью. И долго-долго потом люди вспоминают, как душевно исполнил обладатель лирического тенора отрядчик Ф. И. Янков «Тройку», а балтийский моряк Устинович, ныне колхозный шофер, — матросские песни.

Колхоз «Авангард» не может служить примером образцовой постановки культурно-просветительской работы. Но очень хорошо здесь то, что воспитательная работа повседневна, что борьба с пережитками, предрассудками проводится не вообще, а в связи с живой колхозной действительностью.

Зимой в «Авангарде» было чрезвычайное происшествие. Однажды ранним утром заведующий МТФ Орлов приехал к председателю в таком волнении, что Складнева сама испугалась: — Что случилось? Пожар? Телят заморозило? (Их воспитывали «холодным» методом).

— Нет, — едва вымолвил Михаил Никитич, — звездочка не может растелись — двуглавы телянок.

Немного времени спустя телянок лежал на полу в правлении, а народ, сбегавшийся со всего села, толпился у порога. «Двуглавы» телянок! Да еще в высокосный год. Какой повод для суеверного страха.

В самом деле, некоторые колхозники стояли растерянные, приунывшие. Их заветную мысль выразил Ефим Яковлевич, старик с птицефермы.

— Дурная знак... — сумрачно произнес он. — Это что-то коздовство.

По Галина Михайловна коварно спросила: — Не меня ли подозреваете?

И все рассмеялись.

Тут же по просьбе председателя ветеринарный врач М. С. Подняков провел с колхозниками беседу о причинах уродств. В последующие дни он прочитал на фермах и в бригадах научно-популярные лекции. Пестры суеверия были погашены в самом зародыше. Им не дали разгореться.

Надо сказать, что предрассудки, связанные с хозяйственной, производственной деятельностью, изживаются быстрее, чем бытовые.

В прежние времена бывало: ночью наеване того дня, когда задумано сажать канусту, женщины мотают клубки шерсти, приговаривая: «Кануста, кануста, не расти голенаста, расти пузаста», и навью верат — чем ту же клубок, тем тверже будут кованы.

Теперь в огородных бригадах канусту рассаду выращивают по указаниям агрономов, а примеру если кто и вспомнит, то только ради шутки.

В старой Грибановке крестьянин перед посевом проса мылся в бане и надевал чистую рубаху, верд, что от этого просы вырастет чистое, без сорняков.

Ныне колхозники стремятся быть опрятными независимо от сроков посева яровых или озимых. И все, от парнички-прищипки до старика — сторожа тракторов, твердо знают, что залог чистоты полей — правильная обработка почвы, и особенно пахота с предлужниками.

Наука и техника властно вторглись в сельскохозяйственное производство, не оставив места для поверий и примет. Культура земледелия — это осознанная колхозником необходимостью. Это одновременно и живая сегодняшняя практика и мечта о еще большем совершенстве.

А культура быта? Материальные предпосылки для нее созданы, но пропаганда все еще далеко не достаточна. В той же Большой Грибановке районные организации ограничиваются подсчетом количества клубов, киноустановок, красных уголков, а в существо их работы не вникают.

Если политическиеклады для населения, организующие райкомом ВКП(б), проводятся довольно регулярно, то докладов о моральном облике советского человека, о социалистической культуре в быту многие колхозники никогда не слышали.

Не уделяет должного внимания этому большому разделу воспитательной работы и райком комсомола. Комсомольские организации не принимают молодежи нетерпимости к нарушениям норм общественного поведения, не помогают очистить быт от мусора пережитков.

В свое время замечательный воспитатель А. С. Макаренко напоминал, что пережитки в быту — это не случайный набор атаканов, что они образуют систему и в общей сложности представляют остаток доживающей, но живущей старой этики. Он призывал бороться за «выбитый, вычищенный быт» вести организованно по всему фронту.

Было бы, конечно, ошибкой возложить внедрение социалистической культуры в быт на каких-то специальных «пятых» пропагандистов. Активный строитель нового быта должен быть каждый коммунист, каждый комсомолец, председатель колхоза, агроном, врач, учитель — вся армия советской интеллигенции.

Очень хочется добится, чтобы колхозники не только хорошо работали, а чтобы они хорошо, красиво жили, — говорит Г. М. Складнева.

Со старыми нелепыми обычаями надо покончить. ВОРОНЕЖ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СЛУЧАЙ С ГРИШИННЫМ»

В опубликованной 15 мая статье Э. Казакевича «Случай с Гришиным» критиковались руководители организации города Куйбышева за формальное, бездуховное отношение к судьбе инвалида Отечественной войны Николая Дмитриевича Гришина.

Как сообщил редакция секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) тов. Деревнин, бюро обкома партии 24 мая обсудило статью и признало правильной критику невинтаментов и формального рассмотрения заявлений тов. Гришина, указав на это заместителю председателя Куйбышевского горисполкома тт. Васькову и Горовору. Сейчас есть решение исполкома Куйбышевского горисполкома о предоставлении тов. Гришину квартиры в доме № 103 по улице Максима Горького. Дом этот водворился в эксплуатацию с августа нынешнего года. Председателю горисполкома тов. Смирнову поручено лично контролировать обеспечение тов. Гришина жилой площадью.

Вместе с тем, пишет в заключение тов. Деревнин, бюро обкома партии поручило Куйбышевскому горкому ВКП(б) тщательно разоблачить вопрос о прохождении и рассмотрении жалоб и заявлений тружеников в аппарате Куйбышевского горисполкома и результаты проверки обсудить на бюро горкома ВКП(б).

«ДЕЛО ПЕРЕДАНО ПРОКУРОРУ...»

Под таким заголовком 11 марта в «Литературной газете» была напечатана корреспонденция о преступлении директора Первомайского детдома М. П. Номината.

Первомайский народный суд осудил Номината на 4 года лишения свободы.

Кроме того, как сообщила редакция замминистра просвещения УССР Т. Суван, корреспонденция послужила сигналом министерства для более тщательной проверки состояния детских домов в Сталинской области и руководства ими со стороны Облгоса. Было выявлено, что Облгос часто допускает крупные ошибки при подборе кадров и в ряде случаев посылает на работу в детские дома непроверенных, случайных людей.

За неудовлетворительный подбор кадров в детские дома на зав. Облгоса наложено строгое взыскание.

Сняты с работы, как несоответствующие своему назначению, директора Енакиевского, Новгородского, Маковского № 2, Добрынского, Горловского № 2, Стелевского № 2 детских домов. На работу воспитателями в детские дома направлено 122 человека, в том числе 38 выпускников педучилищ.

15 августа коллегия министерства заслушает отчет зав. Облгоса о мерах по улучшению кадров детдома.

«НЕВЫПОЛНЕННЫЙ ЗАКАЗ»

Под таким заголовком в № 29 «Литературной газеты» было опубликовано письмо читателя В. Вишневого о неудовлетворительном выполнении предприятий Главмелинформ Министрства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР заказов строительства высотного здания Московского государственного университета.

Заместитель министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности тов. Мясников сообщил редакции, что на мебельную фабрику командированы ответственные работники министерства и Главмелинформ для решения на месте вопросов, связанных с ускорением выполнения заказов МГУ.

На руководителей Тульской мебельной фабрики, Тульской филиальной мебельной фабрики и других предприятий, допустивших срыв графиков изготовления и поставок мебели МГУ, наложены взыскания.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Проф. Ф. П. КОШЕЛЕВ. «Величайшие сталинские стройки коммунизма и их народнохозяйственное значение». Госполитиздат. 1952 год. Л. КОЛЕСНИКОВ. «Сирень». «Московских рабочих». 1952 год.

О великих стройках коммунизма

Пустыни и полупустыни земного шара занимают около 35 миллионов квадратных километров. До сих пор человек упорным трудом добывал в пустынях немногим более двух процентов площади. Помеха этому — хищническая капиталистическая система ведения хозяйства. Например, в США систематически уничтожаются леса и сотни гектаров плодородной земли постепенно превращаются в пустыни.

Советский народ твердо вступил на путь коренной преобразования природы. Строительство мощных гидротехнических сооружений на Волге, Днипре, Дону и Аму-Дарье делает реально доступной мечту народа о победе над засухой и о превращении пустыни в цветущий край.

Книга проф. Ф. П. Кошелева «Величайшие сталинские стройки коммунизма и их народнохозяйственное значение», изданная Госполитиздатом стоимостью три рубля, дает читателю представление о величии сталинских стройки.

Особенно будут благодарны автору агитаторы, которым для 20—30-минутной беседы о великих стройках часто приходится затрачивать значительное время на поиски в журналах и газетах разрозненных сведений.

Если и следует упрекнуть автора за некоторую сухость языка книги, то этот недостаток компенсируется обилием собранных фактов и убедительных цифровых данных. Автор дает картину будущего нашей Родины после завершения первых строки коммунизма. Здесь и единая высоковольтная сеть Европейской части Советского Союза, соединяющая энергию гидроэлектростанций-гигантов на Волге и Дону с существующими ныне Московской, Ленинградской, Горьковской, Уральской и другими местными энергосистемами. Здесь и дальнейшее бурное развитие таких уголков нашей Родины, как полуостров Челкен в Туркмении, на котором еще 200 лет назад была обнаружена нефть. Здесь и превращение Сарпинской безводной полупустыни в Черных землях Заплатино. Природная в богатые области страны. Агитатор и пропагандист найдут в книге проф. Ф. П. Кошелева материал и о рыбном хозяйстве

страны, которому великие строительства дали дополнительные водные резервуары для разведения ценных пород рыб.

И, наконец, читатели на самых великих стройках будут благодарны автору за очень интересный раздел книги, наглядно показывающий, как в странах народной демократии успешно перенимают опыт советских людей в борьбе за преобразование природы. В Румынской Народной Республике на реке Вистрице сооружается Стежарская гидроэлектростанция. Постройка электростанции на реке Искыр в Болгарии резко увеличит энергетические ресурсы этой страны. Двухсотметровая стена переграживает и строители Германской Демократической Республики глубоко долину в Южной Саксонии, чтобы собрать воды бесплодные текучих рек Большая и Малая Боккау. «Народно-демократический строй создал неограниченные возможности для развития производительных сил, для подъема благосостояния народа этих стран» — пишет проф. Ф. П. Кошелев, обращая внимание на то, как опыт строителей коммунизма в Советском Союзе применяется строителями социализма в народно-демократических республиках.

Приходится пожалеть, что книга проф. Ф. П. Кошелева не иллюстрирована и лишена географической карты.

В. КУРОЧКИН

Волшебный сад

В издательстве «Московский рабочий» вышла брошюра «Сирень», написанная селекционером-любителем Л. Колесниковым, начальником колонны 1-й автобуса Всесоюзного треста торгового транспорта. Автору присуждена в этом году Сталинская премия за выведение большого числа новых сортов сирени.

Тридцать три года в свободное от работы время Л. Колесников занимается ею себя в саду выращивание удивительных сиреневых цветов. В течение двадцати годов познакомился он с трудами Тимирязева и Митурнина и с тех пор стал страстным мичуринцем-селекционером. В его саду в Москве, в Песчаном переулке, теперь 500 сортов сирени. 300 из них вывел он сам. Эти замечательные гибриды развивают и закрепляют лучшие наследственные качества умело подобранных «родительских пар». Сад Колесникова в пору цветения необычайно красив. Пыльная сирень, белоснежная, темновозвая, яркочерная, лилово-синяя, лилово-красная, в голубом, фиолетовом, красном, а также в фиолетовом и розовом цветах. До сегодняшнего дня я думаю, что сирень

десять ветвей разных сортов уживаются на одном стволе, питаются одними корнями. Писатель Алексей Толстой сделал в 1943 году следующую запись в книге отзюбов: «Вы творите красоту, Леонид Алексеевич. Какое занятие выше и благороднее этого? Я уверен, что подмосковные сады будут обязаны вам новым расцветом. До сегодняшнего дня я думаю, что сирень

Боевое творение Горького

В драгоценном драматургическом наследии Горького есть пьеса, посвященная событиям советских лет. Это — «Сомов и другие». И есть в этой пьесе сцена, которая никогда не виделась сцени. Это тоже — «Сомов и другие». Небывалая судьба этой горьковской пьесы. Законченная в 1931 году, она десять лет ждала своей публикации; напечатанная в 1941 году — еще ждет своей постановки. И если первая задержка произошла по воле автора пьесы, то вторая имеет более сложную причину, требующую особого разбора.

Действие пьесы «Сомов и другие» происходит летом 1929 года на одной из строек — первых строек первой сталинской пятилетки. Старый рабочий Крыжов рассказывает: «И вот, ехал сюда — горой, водой, лесом, царуком, — как говорится, гляжу: тут — стройт, там — стройт, ниде — выстроили, ух, ты, мать честная! Бойко вылезла за дело, крепко! Конечно, я и по докулам, по газетам знал, ну, а когда своим глазом вижу, это уж другая мору!» Так думают, так чувствуют многие герои пьесы — старые и молодые, созная себя хозяевами своей страны и выявляющие свои вожаком в людях, подобных Терентьеву и Дроздову, испытанных большевиках, за печата которых — революционное подполье, гражданская война.

Преградить путь всем этим людям и пытаться Сомов вместе с «другими» — с кучкой отщепенцев и предателей. Вредители, связанные с иностранными капиталистами, портят станки, замораживают средства, проваляют рационализаторские предложения, знут на все, вплоть до убийства, чтобы парализовать строительство социализма. Они планируют на сознание, а разрушение. Они строят расчистку на возможности голода. Радужные надежды вызывает у них деятельность оппозиции. Главная их расчистка связана с новой мировой войной, которую их зарубежные хозяева обещали и развязать в ближайшее время. В ней они и готовятся всеми силами, собираясь захватить кровью землю, родившую их.

Во главе вредителей стоит инженер Сомов, претендующий на роль «вождя» и «идеолога». Он заявляет, открывая же свое истинное лицо, что «власть» — не по силам слесарям, малярам, ткачам», что «жизнь требует не маляров, а — героев». Себя Сомов считает именно таким «героєм», новым Наполеоном: «И, это — я! — человек, уверенный в своей силе, в своем назначении. Я — из племени победителей...». На деле он оказывается рабом низменных империалистов, пресмыкающимся перед ними и готовым отдать им в рабство свою страну. Разоблачен Сомов, Горький показывает, как один и те же реакционные идеи проявляются на разных «этажах» жизни: у людей разных устремлений, но разной образованности, изощренности, хитрости. То, что он договаривает Сомов, договаривают за него «другие». Это прежде всего — инженер Богомолов, хлопочущий о востановлении фабрики, принадлежавшей прежде его родственнику Лисогонову, человеку старому и больному, который должен по расчетам тоже старого и большого Богомолова умереть раньше его и оставить наследство ему. Это — политический авантюрист Трехруков, который цинично заявляет, обаяжая существо «смомовских идей»: «И — негодяй, да! Я не горю в рабы и дикарию...». Это — хулиган и бандит Китаев, возмущивший себя «героем», подвигавшимся над «массой». Это — жалкий слезник, автор неэмпирических «произведений» Семков, воображающий себя «неповторимой» личностью. Это — бывшая содержательница заведения «для малых удовольствий» Титова, которая дает своеобразный комментарий к фамилии Сомова, обращаясь к одному из его «двойников» — Лисогонову: «Гляжу, вот, на тебя, сома, и — смешило: как это сом допустил, что ерни на сухое место загнал его, и стал он ни рыба, ни свинья?». В этих и других «смомовских», которые просто «сери» загнан на сухое место, где им должен прийти конец.

Боевое творение Горького

Горький показывает, что все поведение этих людей определяется нарастающим их растерянностью и страхом. Мы знаем Сомова в тот момент, когда он уже почувствовал, что почва уходит из-под его ног. Его «опарившие» то, что он называет «зудными простудными» Терентьев: директор завода похвалил Сомова как инженера, но при этом высказал пожелание, чтобы поскорее были такие «сери», Сомова беспокоит появление на стройке нового человека — Дроздова, в котором он чувствует какую-то опасность. Но главное, что вызывает панический страх у Сомова, это — сознание,

что «против нас — масса» и что «ее классово чутье растет». И чем оно больше старается казаться спокойным и хладнокровным, чем злее он надеется на трусость Богомолова, чем громче он кричит о своей роли «победителя», тем злее раскрывается его лице — лицо банкрота. С неотразимой внутренней логикой — логикой реалистических, всесторонне показанных и вместе с тем резко очерченных характеров — действие пьесы стремится к финалу. Эта пьеса — наглядное опровержение разговорной «бессюжетности» горьковской драматургии, имевших целью подкрепить порошную «теорию» бесконфликтности. Горький советам драматургам «как можно более резко подчеркнуть различия старого и нового», и сам дал классические образцы такого правдивого, смелого и страстного изображения жизни.

Боевое творение Горького

Сомову и другим было от чего испугаться. Горький показывает, в своей пьесе, как и чем ответил народ на факты вредительства. Из среды советской молодежи охваченной пафосом учебы, выдвигается новая интеллигенция. Для интеллигенции, воспитанной в условиях старого мира, ставшей типичными люди, подобные Арсеновой, твердо говорящие слов «да» и «нет»: «да» — новой жизни, «нет» — ее противникам. Такие люди, как Федка, которая всю жизнь прожила, «как мышь... в погребе», поднимаются до чувства ответственности за судьбу своей страны. Следует особо отметить то, как показано в пьесе «Сомов и другие» разрывание старого и нового. Известно, что Горький не сразу оценил в полной мере значение самозрительки. На эту ошибку указал товарищ Сталин в своем письме Горькому от 17 января 1930 года. Сталинское указание было реализовано Горьким в пьесе «Сомов и другие»: образ старика Крыжова был одним из первых в нашей литературе образов, ярко раскрывших значение самозрительки как мощного народного движения.

Разгром сомовых неабзбег. И когда в финале пьесы один из побиванных врагов криком отвечает на вопросы: «Ваше имя, гражданин? Под защитой?» — сцена словно вырывает нас из судящего заседания, где только что произвукли грозные слова: «Суд идет!» Только желание выхолотить паническую остроту пьесы побуждало и своим письме Горькому от 17 января 1930 года. Сталинское указание было реализовано Горьким в пьесе «Сомов и другие»: образ старика Крыжова был одним из первых в нашей литературе образов, ярко раскрывших значение самозрительки как мощного народного движения.

Обсуждение пьесы Ф. Панферова „Когда мы красивы“

ИЗ ПИСЕМ А. М. ГОРЬКОГО

Архив А. М. Горького подготовлен к изданию IV том материалов и писем великого писателя. Мы публикуем четыре письма А. М. Горького к К. П. Пятницкому.

Рим, 13 декабря 1907 г.

Дорогой друг!
Вероятно, в ближайшем будущем к вам обратится Вересаев с предложением издать в 4-й раз 1-ый том сборника.

Считаю нужным заранее предупредить вас об этом и о своей роли в сборнике. Сборник — литературно-публицистический.

Редактор по литературе — Вересаев, по публицистике — И. П. Скворцов-Степанов. Соавторские: Ленин, Богданов, Луначарский, Рожков, Покровский, Вересаев, я. Кого пригласят еще — не знаю. Сам же я предлагаю пока Козьмичеву, Городецкому, Тарасову и Рославлеву.

А также предлагаю в этот сборник статью лучшего итальянского критика Уго Ойетти и польского публициста Бржозовского, обе статьи — о современной литературе Италии и Польши.

Дав свой расказ.
Весь доход со сборника должен идти, как и уже сказано, на благотворительные цели. Видно моего участия в нем, а также и потому, что я решительно не хотел бы издаваться где-нибудь кроме «Знания», я очень просил бы вас принять издание этого сборника в «Знание», возложив хлопоты по изданию на Семена Павловича, — за вознаграждение, конечно. Ведь так, как кажется, издавался «Нижегородский сборник»?

Участвовать в этом деле мне необходимо, но затрунить вас им я бы не хотел. В то же время думаю, что для «Знания» такой сборник был бы полезен; он будет иметь успех, о чем я позабочусь, он должен привлечь внимание к нам.

Вообще нам, «Знанию», необходимо дать новую позицию, необходимо определенно встать против всей этой сволочи, которая с таким шумом ныне поднимается на первые позиции.

Отвратительное впечатление произвел на меня роман Соллогуба в 3 «Шиповнике». И рядом с ним — Андреев, странно и позорно совпадающий в своем парадоксе с благовитной гнусной старичкиной.

Вчера, по объявлению в «Товарище», я увидел, сколько сделано вами за это время и — удивился. Знаю, что на Капри пришлось еще два пакета книг, — спасибо.

Очень прошу Семена Павловича выслать мне сборник «Земля» с новой пьесой Леонида «Любовь студента», а также прислать на журнал «Зритель».

Уезжаю на Капри 2-го января, сегодня — 26-е.

Был я здесь на вечеру у какой-то Гельб, урожденной княгини Шаховской — это удивительно интересная старуха и великолепная музыканта.

Была разная публика, между прочим, на несколько минут явился Хомиков, брат председателя Думы. И, говорят, именно в результате его визита, посол нашей империи империи создал все сказанные посольства и строго опросил их, были ли они на вечеру, где присутствовал политический преступник Горький, место жительства которого до сей поры росийскому правительству было неизвестно?

Каков идю?
А у Хомикова лицо сыщца по уголовным делам.

Дорогой К[онстанти]н [Петрович] — старший Моргане требует долг, а из Америки — ни цента! И даже писем не пишут оттуда, — совсем, как из Питера!

Но я не теряю надежды получить от вас письмо!

Иду завтракать, кончаю письмо, жму руку. Вам кланяются все Боткинны и Эйрик. Очень.

А. Пешков

Ойетти Уго (Ugo Jettetti) (род. в 1871 г.) — итальянский писатель и критик. Роман «Сологуб» — в третьем ките альманаха «Шиповник» напечатана «Творимая легенда» Ф. Соллогуба.

Рядом Андреев — расказ Л. Андреева «Гьям».

«Товарищ» — еженедельная газета, издававшаяся с марта 1906 г. по декабрь 1907 г. Формально не будучи партийным органом, фактически была газетой левых кадетов. Выходила при участии меньшевиков.

«Земля» — сборник 1908 г. В его со-

став вошли: Л. Андреев — «Проклятые змеи», Ш. Аш — «Грех», А. Куприн — «Суламифь», С. Серафимович — «Дочь» и другие произведения.

«Любовь студента» — пьеса Л. Андреева, получившая окончательное наименование «Дни нашей жизни».

«Зритель» — буржуазный юмористический журнал, выходивший в Петербурге с 1905 года.

Старший Моргане — Джузеппе, бывший каприйский рыбак, отец Эйрика Моргане.

Капри, около 4 марта 1908 г.

Дорогой друг!
Получил письмо № 9 с деньгами для Шрейтера, очень благодарю. Я тоже прошу вас извиниться мне, если в письмах моих иной раз заметно раздражение, — я понимаю, что оно не должно касаться вас, но порой нет сил сдержаться себя, и нередко начинаешь со всеми говорить свирепым тоном.

Каждый день приносит какой-либо сор-приз — «Суламифь» Куприна, Стихи «модернистов», интервью Леонида, в котором он путает и врет на меня, как на мертвого, статьи Изгоева и других ренегатов — каждый день кто-нибудь встает пред твоим голым и весь в гнилых языках. Нет терпения! Хочется орать, драться с этой сволочью, хочется топтать ногами эти «неустойчивые несикины». Каково читать письмо Бунина и К. против статьи в газете Стартера? И последовательные отказы К. от подписки? Кажется, что все ныни, сопли и умя.

И прошу вас ответить мне телеграммой на вопрос о сборниках. Если вы отвечаете — да, я не медля начну составлять сборники статей о Толстом.

Сие необходимо. Видно, мешанство хочет уцепиться за Толстого и создать вокруг его грандиозный пошлый кавардак. Я получаю целый ряд приглашений напечатать заметки о моих впечатлениях о [Льве] Николаевиче. Все приглашатели различных Сергеев.

В нашем сборнике были бы статьи: С. Попов — обобщающая характеристика Л. Н. как художника.

Базаров — анархизм Толстого, Луначарский — религиозные воззрения, Войтовский — психология масс у Толстого.

Я — небольшая заметка о личности, и еще несколько статей.

Время требует, чтобы наша группа определенно и резко выступила против этого хаоса и анархизма в литературе и в жизни. С этим необходимо торопиться. Очень прошу — дайте ваш принципиальный ответ на мой вопрос, телеграфуйте! Кинув я возвратил рукопись, плохо.

Вопрос Кошуринкина — не понимаю. Написав ему длинное письмо, я указал на необходимость поправки в стиле расказов, — он обиделся, что ли? Наняшу ему кой-какие же деньги. Рассказ его считайте принятым.

Ан-ского не получил еще. Писатель — неистерный.

Переводчик Стендаля надо сказать, что ее желание получить «принципиальный ответ» — странно. Не зная рукописи, никто не даст, мне думается, принципиального ответа — да или нет. Чепуха какая-то баба.

Завтра выслать концы повести. Пожалуйста, затискайте ее в один сборник. Пока — всего доброго! Жму руку.

А. П.

Примечания
Интервью Леонида. — Интервью Л. Андреева о современной литературе приведено в газете «Русь» от 27 февраля (11 марта) 1908, № 57.

Газета Стартера — «Свободная воля», буржуазная еженедельная газета, выходившая с 21 января по 3 марта 1908 г.

Сборник статей о Толстом — «осуществлен в 1911 г.

Сергеев Петр Алексеевич — писатель, автор книги «Как живет и работает Л. Н. Толстой».

Кинег Александр Абрамович — беллетрист, автор расказов «Вирочий остров», «Господская жизнь» и др.

Капри, конец марта 1908 г.

Дорогой друг!
Получено мною: расказ Ольмичего и часть повести Гамсуна. Первый уже отправлен назад для передачи автору, Гамсуна — прочитай, прислать яли дождешься конца перевода и выслать вместе все?

Перевод мне кажется несколько вульгарным. Гансени слишком русифицируют автора — это несомненно. В одном месте у них речь идет даже о «сангах» и «бурангах», и таким образом из Норвегии они уводят читателя в Вятку. Обратите их внимание на следующее: они в состоянии сохранить основной тон расказов автора,строй его речи — пусть они делают это, не выходя в русификации, не заставляя Бенини и других говорить языком подгородных мужиков Петербургской губернии.

За предыдущее письмо я готов просить у вас извинения, если оно задело вас, но соглашусь, что у меня есть повод жаловаться вам и на вас. Молчание ваше — угнетает. А состояние моего духа не блестяще. И тому — серьезные есть причины, говоря стилем сукнина сына Соллогуба.

Вчера получил №№ «Русской мысли» и «Образования», прочитал несколько статей — всю ночь не мог уснуть с тоски и со злости. Что такое?

Это — русская литература? Какая радость, какое нищенство мысли, какальство невежества и цинизм! Люди, кои идут на святое поле битвы, чтобы наблваться на нем — таких людей надо бить.

Я мог бы организовать отпор им по всей линии, для этого есть силы, есть желание, а главное, — это необходимо. И мне кажется, что «Знание», у которого уже есть традиция, должно бы выступить на бой со всей этой шайкой грязи — вроде Ивановых-Разумников, Мерзляковских, Струве, Соллогубов, Кузьминых и т. д. Именно — «Знание».

А ваше отношение, как я чувствую, отрицательно к этой задаче, чувствуя важной и крупной, столь своевременной.

И вот я принужден работать где-то рядом с вами, как привязан и что ценя, а в стороне.

Это — вы поймете — очень грустно для меня.

Бетати мною заказано Амфитеатрову несколько литературных памфлетов, и я уверен, что они их сделают хорошо. Темы — мои. Скоро я пришлю их вам. Если вы найдете их неудобными для сборника, оплатите работу за мой счет — по цене? — А вот этого не знаю. Спешу автору.

Амфитеатрову очень популяр, как вы знаете, главное же, он искренно любит литературу и искренно возмущен ее порчей. Я жаю от него интересных вещей.

Всего доброго!

Как книги по литературе? Получил далеко не всё.

Жму руку.

А. Пешков

Примечания
Повесть Гамсуна — «Бенини».

«Вчера получил №№ «Рус. мысли» и «Образования» — Возмущение Горького было вызвано статьями Струве, Мерзляковского, Розанова, Бердяева, стихами Соллогуба и др.

Кузьмин Михаил Алексеевич (род. в 1875 г.) — буржуазный поэт.

Капри, середина мая 1908 г.

Дорогой друг!
Мужель с каждым расказом становится все многословней и скучней. Его художественная сила — не велика, идеальное содержание — реакционно. Он романтик, пессимист, он обит «мистическим» ужасом пред мужиком и деревней — если это искренно, то глупо, но иногда мне кажется, что это не искренность, а удовлетворение запроса со стороны общества, напуганного «мужичком» и желающего, чтобы литература представляла ему мужика черным цветом и грязным скотом, который не заслуживает доброго внимания умной публики.

«Грех» Муйдели — вещь, плохо выдуманная, и к тому же еще испорчена «филозой» Мерзляковского. «Инци» — антидемократичен, как и «Дача» — как всё.

Пусть мешанский романтизм, возникающий для ради того, чтобы ликвидировать страхи вчерашнего дня, — пусть он развивается, если это суждено, — вне «Знания». По своим соображениям и ответил Муйделю отказом.

А по поводу Бонча — не знаю, что сказать. Книги его и специальные, и дороги, да, но — он пишет мне, что со стороны «Знания» не требуется ни малейших затрат. Одна книга его, как ни как, принята. Не вижу предлога для отказа принять другие. Решайте вы, в таком смысле я ему и отвечаю. Дело касается не оценки книги, как таковой, — в этом случае я еще могу

сказать да или нет, но в вопросе — принять или не принять вклад издания — что я скажу? Книги — лежащие, должны быть.

Бингу Вольнского я читал в издании Маркса, и она, помню, не понравилась мне. Множество размысловидий, ценность конх не помню, но — фактом мало, это помню. Какова книга теперь, когда он ее переработал, — не знаю.

Не люблю я эту тему. Его книга о «Русский критика» — это такая плохая книга, просто пошлая. В ней он, якобы устами Достоевского, поносит людей, кои можно уличить в ошибках, но — нельзя не уважать. Антиреволюционная книга, как хотите. И я высказываюсь против Вольнского в «Знании». Забудьте еще: ведь, в сущности, это он является первой ласточкой возрождения идеализма и романтизма, и он основоположник того направления, кому столь усердно служат ныне Минские, Мерзляковские и т. д. Это — его ученики, что б они ни говорили и как бы он ни отстрелал от них.

Мне кажется, что на «Знании» лежит задача неуклонного служения тем принципам, кои оно служило до сей поры. Эти принципы и понимаю как демократизм, политизм. Чем более живу и думаю, читаю и вижу, тем более укрепляюсь в мысли, что победит мерзость жизни, облагородит человека не грех, не мечта, а — опыт, накопленный опыта, его стройная организация.

Меня одолевают, может быть, наивные и смелые мысли, но — я все более убеждаюсь ими. Мне кажется, например, что мысль — вид материи или, вернее, один из видов эманации материи. Что мысль и воля — одно и то же.

Я делаю отсюда выводы — удивительные, но забываю о том, что они, опытаясь, могут показаться смешными.

Но я не совсем мечтатель и фантазер: д-р Ботик в своей книге «Эманация психической энергии» — позволяет мне опереться на его опыты. Он — не один, на него я прочитал удивительную книгу Соэди о радиоактивности.

Ужасно хотелось бы иметь на русском языке книгу Ле-Дантега «Философия биологии» — она всего 7 листов. Говорят — удивительно интересно.

Скажите: «Школа химии» Оствальда, которую вы хотите издать, и его же «Путеводные нити в химию» — одно и то же? Образовалось какое-нибудь издательство «Навтеон» — им изданы уже несколько книг, у меня есть «Саломея» — кто-то прислал. Хотел бы иметь «Зовы древности» и Вильде де Дилз Алана.

Понимаю, что надо вам просьбами о книгах хуже редки горькой. Но, дорогой мой друг! — как много хочется знать, как много нужно знать! Поймите это! Ведь книги — единственное мое наслаждение, а жизнь уж не так сладка, вам, какжется, это ведомо.

Сейчас глотаю историю литературы. Эх, если б кто-нибудь написал сравнительный очерк по литературным направлениям в первые годы XIX столетия и в наше время! Что за улар по твердым мешанскому индивидуализму, который вырождается не век от века, но десятилетиями.

Страшно жаю вашего приезда. Говорить нужно о множестве вопросов.

Не забывайте меня!

Привет.

А. Пешков

Примечания
Прелагаю письмо до Бонча. В июне поеду в Алясию, повидаться с Максисмом. 0 дне отъезда — сообщу.

Сейчас получена ваша телеграмма о переводе Мирбо. Я совершенно не знаю эту вещь — м. б., она из старых? Есть ли смысл печатать ее — вы решите сами.

Примечания
Муй жесть Виктор Васильевич (1880—1924) — писатель.

Книга Вольнского А. Л. — «Леонардо да Винчи», СПб, 1900; переиздана в 1909 г. (Киев).

«Саломея» — Оskar Уайльд. «Саломея», драма. Перевод К. Д. Валентинова и Эк. Андреевой, изд. «Лантеон», Библиотека мировой литературы (1908).

«Зовы древности» — Бальмонт К. Д. «Зовы древности». Гимны, песни и замыслы древних». СПб, 1908.

«Ваша телеграмма о переводе Л. Мирбо. Пьеса «Очаг» в переводе Венгерской была напечатана в двадцать пятом сборнике «Знания».

В Центральном доме литераторов секция драматургов провела на днях обсуждение новой пьесы Ф. Панферова «Когда мы красивы», напечатанной в журнале «Октябрь» (№ 6 за 1952 год).

Отчет об этом обсуждении хочется начать с заключительного слова Ф. Панферова, — в нем автор раскрыл перед собранием проблемы хотел он поставить перед своим читателем и зрителем.

Проблемы эти, несомненно, значительны и жизненно. Они рождены сложной борьбой старого с новым в советской семье. В буржуазном обществе семья создавалась и создавалась на основе бесправного общественного положения женщины; «дом», как верно сказал Ф. Панферов, превращается в первичную ячейку по охране частной собственности. И жена тоже является в этом доме частной собственностью своего мужа. У нас женщина — равноправный участник всеобщего созидания. Но нередко еще семья вырывает женщину из строя, отторгает ее от общественно-полезного дела, отлетает паутину мелких домашних интересов, рождает, по выражению писателя, «старелую-включную психологию». Против этих-то явлений и хотел бороться автор своей пьесой.

На обсуждении своей пьесы Ф. Панферов говорил:

— У нас с каждым годом улучшаются материальные условия жизни советских людей. Это нормальное явление, и чем лучше, тем больше будут эти условия улучшаться. Но именно в более обеспеченных семьях женщины чаще всего бросают общественно-полезный труд. Рассуждают они так: «Зачем я буду работать, если мой Петя, или Ваня, достаточно зарабатывает?» И вот мы видим, как тракторист забирает жену домою; комбайнер, бригадир, инженер отрывает жену от общественно-полезного труда и превращают в палочку.

Такое же положение существует и в семье, которую Ф. Панферов поставил в центре пьесы «Когда мы красивы». Жена секретаря горкома партии Илья Курбатова — Веря — была геологом. Она оставила свою профессию и стала, как она говорит, «домашней водочкой». Ради мужа она стала «маленькой, серенькой», «все растеряла». Но и мужу она — такая — не нужна. Он разлюбил ее, потянулся к другой женщине. У нас, однако, испытывает потрясение, Веря уходит от Курбатова. В труде она возвращает утраченную свою красоту, а вместе с тем и любовь мужа. Таково, в самых грубых чертах, центральное ядро пьесы. Это здоровое явление, возникшее из верных жизненных наблюдений, из реально существующего в жизни конфликта.

Однако верный замысел не получил в пьесе полноценного художественного раскрытия. По мнению ряда участников обсуждения пьесы «Когда мы красивы» в журнале «Октябрь» опубликован рукопись в журнале. Таким образом в свет была выпущена пьеса, из которой не только не убраны отдельные стилистические погрешности, но и не устранены некоторые неверные положения.

Лишь два оратора (т. Виноградов и Балалов) поддержали пьесу безусловно, подчеркивая важность замысла и своевременности обхода вопроса о том, каково идейно-художественное содержание этой пьесы.

А. Суворов, положительно оценивая пьесу, вместе с тем отметил ряд отдельных неудач и недоработок.

Решительно осуждали пьесу в том виде, в каком она появилась в журнале, т. З. Чала, Л. Кладов, В. Овечкина, А. Чаковский, А. Суков, Н. Алибегова, Г. Николаева и А. Софронов.

Идеал драматургии, — говорил в своем выступлении В. Овечкина, — состоит в том, чтобы в перечне действующих лиц могли стоять только имена и фамилии. Характер человека и место его в жизни должны быть ясны из текста. В пьесе Панферова отсутствуют действующие лица названы, но их можно перетолковать, как угодно, и от этого ничего не изменится. Ничто не переменилось, если Илья Курбатов окажется директором завода, а Иван Чалов станет секретарем горкома. Их характеры автор не дал никаких черт, которые могли бы определить их действительное место в жизни.

Темы любви, брака, ревности тонут в мелодраматических сценах, в пошлых словах. Душевная красота, которую хотел показать автор, на деле подменяется павлиньим «красованием» героев. Острого конфликта, по существу, в пьесе нет. Он подменен «скандалом на кухне».

Серьезную идейную ошибку, по мнению Н. Кладов несет в себе образ Ивана Ивановича — «жителя гор», представляющего не названного автором «маленького народа», ко-

торый якобы лишь в наши дни выработывает свое отношение к советской власти и, лишь теперь удостоверяется в том, что эта власть хороша, открывает для нее рудные сокровища своих гор. Этот «маленький народ» выдуман и выгидает анекдотичным.

— В наших бытовых делах, — сказал А. Суков, — пережитки капитализма гнезятся более основательно, чем в нашем общественном поведении и трудовой деятельности. Это резонная, большая и очень острая для сегодняшнего дня тема. Но в пьесе линия жизни героя оказалась оторванной от их общественно-политической функции. Потому и получилось так, что можно без ущерба поменять местами Курбатова и Чалова. Общественные функции людей оказались только фоном, а не средой, в которой развивается действие пьесы. Столкновения, отношения людей, их чувства, характеры, представления — показаны в условиях «проходной комнаты», а не на почве повседневного существования нашего общества. Физиологическая проблема преобладает здесь над проблемой общественной. Надуманная история о «маленьком народе», который представлен одетым в голубую рубашку и в «калфе, как крылья» Иваном Ивановичем — политически неверна.

Под пьесой в журнале поставлены даты работы над ней: «1939—1952». По мнению А. Сукова, драматург, достав из архива давно начатое им произведение, слишком мало подумал о том, что в давно задуманном пьесе безнадёжно устарело и должно быть устранено, а что должно быть развито и переработано. Над пьесой следовало еще много работать.

А. Софронов также охарактеризовал недостатки в образах и развитии действия, упоминая, в частности, о том, что совершенно недосторственно моментальное превращение Веры, которая из домашней хозяйки, мечтающей о короле и давно позабывшей свою профессию, вдруг становится преподавательницей и принимает зачеты у студентов.

Ряд выступавших упрекал Ф. Панферова за торопливость, неряшливость, общность словесного сора.

А. Софронов, как и А. Суков, говорил также о том, что Ф. Панферов не следовало бы печатать свою заведомо спорную пьесу в журнале, который выходит под его редакцией. Этим он прежде всего лишил себя той выскательной критики, которая, несомненно, могла бы принести ему значительную пользу. Неприглядна в данном случае и позиция членов редакционной коллегии журнала.

Справедливость этого упрека подтвердила выступление заместителя главного редактора журнала «Октябрь» Д. Еремича. Он пытался доказать, что пьесу можно было печатать, потому что «в основе ее лежат серьезные мысли». Но сразу же вслед за этим он заявил:

— Мне кажется, что коренной недостаток пьесы, как и во всем, что делает за последние годы Ф. Панферов, заключается в том, что несомненно талантливости автора, ярким характеры и решения темы сочетаются с безвкусицей, грубым физиологизмом, которые склеиваются в репликах и даже в ремарках. Это прусище руке Панферова...

Оправдание, по меньшей мере, странное. На вопрос о том, где была редакция, которая должна была отредактировать пьесу, Д. Еремич ответил кратко:

— Редакция не было.

Необходимо отметить, что некоторые участники обсуждения допустили излишнюю резкость тона, порою переходившую в недопустимую грубость по отношению к автору. Это особенно относится к заключительной части выступления В. Овечкина, а также к отступлению выслушавшим, допущенным З. Чалой. Предельно талантливейший из об-суждавших Б. Лаверенко допустил некетсти одергивать ораторов, критикующих недостатки в своем собственном выступлении, задав исторический вопрос: «удача это или не удача», он ответил лишь, что «конфликт не развертывался в этой пьесе так, как он должен был развернуться».

На заданный председателем и оставшимся без ответа в его выступлении вопрос ответил другие участники обсуждения. По мнению большинства из них, Ф. Панферов, напечатав свою пьесу с излишней торопливостью, обрек себя на неизбежную неудачу, которая может быть исправлена лишь в том случае, если автор прислушается к критике и коренным образом переработает задуманную им вещь.

Ф. Панферов полемизирует с рядом участников обсуждения, сказал вместе с тем, что учит некоторые высказывание ими замечания.

Живой голос

Год уже как ушел Павленко. И все равно — он с нами. Застрельщик и новатор, живой, горячий рассказчик и спорщик, замечательный публицист и художник яркого и емкого таланта, так многообразно видевший и описывавший мир, большой мир человеческих дел, борьбы, страстей... От Дальнего Востока, изображенного в его известном романе «На Востоке», до Веры, столь тщательно описанной в «Счастье»; от среднеазиатских пустынь и турецкой Анатолии — до баррикад Парижской Коммуны 1871 года; от Нью-Йорка, изображенного в «Американских впечатлениях», до Милана, Венеции, Неаполя, воспроизведенных в «Итальянских впечатлениях». И, наконец, Крым, наш советский Крым, так вдохновенно, так широко и волно востановил и со страниц романа «Счастье», и повести «Степановское».

П. Павленко — удивительно многообразный, разносторонний художник, остро чувствующий людей, природу, национальные обычаи и традиции, умеющий глубоко, ценно и верно схватить и передать главные, неповторимые черты культуры и быта того или иного народа. И во всем этом — глубоко русский, советский писатель. Интернационализм, органически присущий таланту Павленко, покоился на твердом фундаменте русских культурных, художественных и философских традиций. Но интернационализм Павленко был интернационализмом боевым, большевистским по самой своей природе, основанном на огромной любви и уважении к языкам и культурам других народов. Но только в стихии великого русского языка, только в образах родной ему национальной почвы мог выразить себя Павленко как художник.

В дни печальной годовщины со дня смерти этого чудесного советского писателя на страницах журнала «Знание» опубликован его роман — «Труженики мира», —

странцев, для которых она стала собеседником и переводчиком. Сначала в поэдре, а затем на строительстве Большого Ферганского канала все ближе узнает Ольга и огненно-тепераметричного испанца — коммуниста Хоэе Миралы, участника народной борьбы с Франко, и публициста Юлианера, и чешского коммуниста, друга Юлианера Фучика — Войтава. Перед Ольгой — бойцы пролетарских партий, уже участвующие в боях в классовых боях, уже побывавшие в подполье. Но молодая советская девушка помогает им воочию понять смысл великих дел коммунистического созидания. Убежденно Ольга спорит с космополитом — журналистом Горраком, чехом, ставшим подданным США.

Глубоко и умно говорит Павленко о том, что чувство «врожденной категоричности», которое было присуще его героине.

«Она жила, зная, зачем и для чего она существует, что ей предстоит сделать в жизни, и была у нее твердая вера в свои силы и в правоту своей истины и убежденности, что она — семидесятилетняя десятиклассница Ольга Собольчикова, живет на много десятилетий впереди и доктора Горрака, и Войтава, и Хоэе Миралы и что, как бы умны, опыты и дальновидны они ни были, а все равно она опыты не, несмотря на то, что и не жила еще, и мало знала... Она определила их только потому, что родилась у идущих быстрее, у тех, кто был в авангаре, кто ушел подниматься выше, чем остальные. И теперь она стояла где-то в самых верхах победы и, оглядываясь назад, сделала за тем, как будто подлет подлет хоронил и плазил, старые и молодые люди других стран; ей было много виднее, чем им».

Опыт великой народной стройки — Большого Ферганского канала — для коммунистов зарубежных стран это воплощение в жизни их самих светлых чаяний. В горячем солнечном блеске, на широких зрелищных просторах книги добровольный труд свободных советских людей. Здесь называется дружба зарубежных коммуни-

тов с советскими людьми, возникает чувство любви Ольги к испанцу Хоэе, Павленко связывает эти дни — только что отрешившись от боя под Халингом, нападения Гитлера на Польшу, начала военных событий на границе СССР и Финляндии, — с будущим мира, с той поистине исторической эпохой, когда в невиданной схватке столкнутся черные силы фашизма с волей народов к свободе, к счастью, к миру.

О том, как развернулось бы дальше роман Павленко, можно судить лишь по кратким и не во всем ясным черным наброскам плана, приведенным в статье П. Тихонова, которой редакция журнала соизволила опубликовать рукопись П. Павленко. Но ясно одно: это должен был быть роман широкого масштаба. Павленко хотел воспроизвести ход больших мировых событий, показать армию коммунистов, как единое, нерасторжимое целое.

Убежденно, страстно, оптимистично написаны страницы романа, посвященные Байкалу, Фергане и, наконец, Москве — централь и всеветовому форуму пролетарских революционеров. Сегодня, когда зашело создание канала Волга — Дон с техникой

ВСТРЕЧА В ПРАГЕ

Густа ФУЧИКОВА

Это было 4 июня 1951 года, в понедельник. Он пришел, опаленный солнцем, в нашем солдате — ведь он ездил по Чехословакии, по нашим городам и селам, где знакомился с нашим народом, строящим по примеру великого Советского Союза свое государство рабочих и крестьян. И в нем была частичка Крыма, этого чудесного морского края, глаза его светились, как голубое крымское небо.

Мы встретились, как старые знакомые. Он прошелся по комнате, огляделся. «Здесь жил Юлиус Фучик? А это его библиотека?»

Я показала ему небольшую библиотечку — всего несколько десятков книг из библиотеки Юлиуса Фучика, погибшей от парварских рук гестапо.

Около года тому назад при нашей первой встрече я попросила Петра Павленко прислать мне советские переводы «Репортажа с петлей на шее». И вот передо мной лежали три книжки, которые он мне привез.

Он садится на стул и рассказывает: «Две фотографии Юлиуса Фучика, которые вы дали моим сыновьям, находятся в хороших руках. Я привез их домой, ребята их схватили, один повесил на стену, другой поставил себе на стол. Любят Юлиуса Фучика. Но фотографии дома долго не удержались. Пришли пионеры: «Как это можно владеть портретом Юлиуса Фучика единично? Он должен принадлежать нам всем»».

Алена, старший сын, немедленно принял решение и отдал фотографию в отряд. Но с младшим было затруднение. Никак не хотел он со своей фотографией расставаться. «Гы — индивидуалист, кулак, ты — чистик», — отрывали ребята «капиталистические черты» в характере моего младшего сынишки. «Все-таки ведь нехорошо, что только ты один смотришь на портрет Фучика! Тот, что дал Алена, мы повесили в школе, а твой отнесем в дом пионеров».

После некоторых размышлений младший сын доказал, что он не «индивидуалист», и не «кулак», и не «чистик», а настоящий советский пионер.

Вторая фотография Юлиуса Фучика висит сейчас в доме пионеров. Наша советская молодежь искренне любит Юлиуса Фучика. Самые любимые ее герои — Николай Островский, Зоя Космодемьянская и вы, то есть и наш Юлиус Фучик. Они помогают воспоминать из нашей советской молодежи честных, мужественных, смелых людей.

Я показываю товарищу Павленко его книгу «На Востоке», которая у нас вышла в 1937 году под названием «На Дальнем Востоке гремит гром», и рассказываю историю ее перевода.

Это было в то время, когда я уже позабыла находилась без работы, а казалась себе лишним человеком. Однажды Юлиус Фучик принес домой книгу «На Востоке» Петра Павленко, советского автора, у нас тогда еще не известного, которому мы должны были перевести. И так благодаря Петру Андреевичу я снова обрела сознание того, что приношу пользу.

С какой радостью я принялась за работу! От всего сердца я полюбила писателя Петра Павленко, потому что только хороший, любящий людей писатель мог написать такую книгу.

Болезнь меня тогда из книги «На Востоке» прозвонил впечатление тот, который пронизывает все китайские партизан Ю Шань, единственный оставшийся в живых из группы партизан, боровшихся за свободу своей страны против японских оккупантов.

«Я, Ю Шань, командир Голодных братьев, приносил в дар пиво и хлеб, честную память всех вас, павших в бою. Я делаю это в ночь вашей смерти. Триста дней и ночей вы боролись и изматывали от огня, меча и болезней. Я, Ю Шань, ваш командир, дал вместе с вами ватку победить или найти смерть! Я удостоился получить жизнь и видеть победу, но я не могу приписать всю заслугу себе... Я, Ю Шань, командир ваш,»

остался один. Но я вливаю и вызову новые сотни бойцов и буду драться, пока не погибну. И слово вам даю, души героев, не будет расти там трава, где я ступил ногой. Я раскыну пожары по земле, и японцы устанут рыть могилы для убитых, и звери станут жрать их, не боясь помехи. Мы победим».

Я вспоминала эти слова все годы оккупации нашей страны фашистскими извергами. А в прошлом году, спустя тринадцать лет, после того как я познакомилась с писателем но его книге, я узнала Петра Андреевича Павленко лично.

...Показываю товарищу Павленко журнал «Славянин», «Веселую мысль», «Чех» — первые литературные опыты 12-14-летнего Юлиуса Фучика — его юношеские стихи, а Петр Андреевич делает пометки в своей записной книжке.

Он просматривает также нелегальный журнал «Забастовка», который Юлиус Фучик называл в 1929 году, когда бастовали горняки Северной Чехии. Прочитывает пять тетрадей дневника, в который он с шестнадцати до двадцати лет записывал свои впечатления от прочитанных книг, записей свои критические замечания. Всего это 600 страниц.

Я рассказываю Петру Андреевичу историю спасения этих тетрадей из рук гестапо.

«Об этом нужно написать», — говорит он. — Я обещал уже вам, товарищ Фучикова, что напишу свои воспоминания о Юлиусе, с которым я познакомился в 1935 году. И напишу, в самом деле напишу. А вы знаете, что в Таджикистане, в Средней Азии, есть колхоз имени Юлиуса Фучика?»

Товарищ Павленко склоняется над рукописью «Репортажа с петлей на шее». Внимательно и почтительно он смотрит на листки, исписанные в тюрьме, по которым видно, что рука Фучика не дрожала и под сенью смерти.

Удивительная сила. Ему может обладать только тот, кто и в окопах связан с человечеством и глубоко убежден в его победе над фашизмом. Нужно, очень нужно писать о Юлиусе Фучике. Необходимо написать о нем роман, сценарий.

Почти два часа Петр Андреевич Павленко рассказывал, давал советы, просматривал рукописи Юлиуса Фучика и делал пометки в записной книжке. Каждое его замечание было очень ценно для меня. Тем более ценно, что я говорила с автором книги, которую мы с Юлиусом Фучиком вместе любили, тем более ценно, что я говорила с бойцом славы армии, освободившей нашу страну, завершившей дело, за которое Юлиус отдал свою жизнь.

И вот не прошло и двух недель, как я получила горестное известие о кончине Павленко. Я вспомнила тогда слова, написанные Юлиусом Фучиком в 1924 году после смерти чешского писателя-коммуниста Ярослава Губки:

«Когда умирает боец, утомленный долгой жизнью и старостью, мы испытываем прежде всего скорбь вместе с уважением и благодарностью за все то, что он совершил. Когда же падает боец на поле боя еще полный силы и огля, мы прежде всего ощущаем утрату. Это сильнее, чем скорбь. И если позиция, которую защищал умирший, была величистой в один кладратный метр, то все равно вместе с его смертью она для нас оставлена и потеряна до тех пор, пока не придет новый боец, который встанет на его место».

Писатель Петр Павленко был бойцом, который защищал Советский Союз, который защищал мир нового человеческого счастья. Его место не оставлено, его борьба продолжается. Но мы чувствуем большую утрату, нам недостает его искусства. И мы прежде всего вспоминаем о нем с любовью и благодарностью. С любовью к большому писателю, прекрасному советскому человеку.

ПРАГА

За что был уволен Джеймс Макнэй

В течение двадцати шести лет владели крупной шотландской издательской фирмой Дэвид Томсон запрещает служившим под страхом увольнения состоять в профсоюзе. После всеобщей забастовки 1926 года фирма «Д. Томсон энд компани лимитед» заставляет своих работников подписывать заявления, что они не будут вступать в профсоюз.

Снимок из английской газеты «Дейли уорриер»

Эта мера не задушила, однако, профсоюзное движение — оно ушло в подполье. На одном из предприятий фирмы в г. Глазго (штаб-квартира издательства Томсона находится в г. Данди) 19 апреля нынешнего года был уволен Джеймс Макнэй, печатник с тридцатилетним стажем, только за то, что, как выяснилось, он является членом профсоюза. Бесовестное увольнение старого рабочего вызвало — и это было полной неожиданностью для администрации — решительный протест со стороны остальных рабочих и служащих предприятия: в тот же день они объявили забастовку. Из ста работников подразделения фирмы Томсона в Глазго семьдесят четыре человека приняли участие в забастовке протеста. Оказалось, что все они негласно состоят в профессиональном союзе.

Эта забастовка вызвала живой отклик среди трудящихся Англии. Журналисты, печатники, докеры, транспортные рабочие, железнодорожники отказались выполнять работу за фирму «Д. Томсон энд компани лимитед». Ряд английских и шотландских профсоюзов поддержал это движение протеста против антирабочей политики реакционного издателя. Так, национальный союз журналистов потребовал от своих членов

не снабжать фирму Томсона информацией и фотоматериалами. Профсоюз печатников принял решение добиваться, чтобы продукция этой фирмы не поступала в розничную продажу в Лондоне. Объединенный профсоюз машиностроителей призвал к бойкоту томсонских изданий.

Пример солидарности показали рабочие типографии лондонской газеты «Стар», которые отказались печатать рекламные объявления фирмы Томсона, в результате чего заказ был возвращен обратно. В начале мая в Ратерлене (близ Глазго) 800 рабочих бумажных фабрик прекратили работу в знак протеста против увольнения четырех грузчиков, отказавшихся грузить бумагу, предназначенную для этого издательства.

На нашей фотографии — демонстрация солидарности с бастующими работниками фирмы Томсона, организованная печатниками Лондона. Демонстрация проходит по Флит-стрит — улице, где помещаются редакции крупнейших буржуазных газет Англии. Они несут плакаты, призывающие бойкотировать издания фирмы Томсона.

ЗЛОВЕЩИЙ ФАРС

Чувовинная провокация, затеянная правительством Пина против коммунистической партии Франции и ее секретаря Жака Дюкло, является ярким примером фашистского пролога. Правители Франции, будучи не в состоянии подавить — в рамках существующей законности — нарастающую борьбу народных масс за национальную независимость и мир, попирают свои же буржуазные законы, прибегая к подлогам, фальсификации и открытому насилию.

Попытка поэтому проанализировать действия французских властей, бросивших в тюрьму Жака Дюкло и других борцов за мир, с точки зрения норм современного французского права. (Разумеется, с точки зрения каждого честного человека арест Жака Дюкло, патриота и борца за мир, секретаря французской партии Франции, членам французских трудящихся, является вопиющим беззаконием.)

Итак, рассмотрим последовательно эпизоды состряпанного французским правительством зловещего полицейского фарса, жертвой которого стал секретарь ЦК коммунистической партии Франции Жак Дюкло.

Эпизод первый: «Случайный арест». На следующий день после ареста Жака Дюкло французское правительство через послушного ему печать сообщало, будто этот арест не был преднамеренным и Дюкло был задержан якобы «неожиданно» для самих властей в числе других участников происшедшей накануне в Париже народной манифестации протеста против приезда Рихизу.

Но действительные обстоятельства, при которых произошел арест, полностью опровергают лживую версию о якобы неожиданном, «случайном» задержании Жака Дюкло полицейскими. Напомним прежде всего, что Дюкло был арестован не во время демонстрации, а через два с лишним часа после того, как она закончилась.

Жена Жака Дюкло — Жильберта Дюкло, находившаяся в это время вместе с ним, разоблачила и опровергла неумную ложь о том, что арест был якобы «случайным».

«Ничего подобного! — заявила Жильберта Дюкло. — Это была самая грубая провокация и она была осуществлена после нашего выезда из редакции газеты «Юнкер» в 22 часа 15 минут, в то время, когда мы направлялись домой и находились на улице Тампль. Полицейские автомобилы прергали нам путь, и когда машина, в которой мы ехали, приблизилась к ним, полицейские закричали: «Вот они! Вот они». Все было подготовлено заранее.

Рядом находился полицейский фурун, и все отдели в полицейской коммисарият... Полицейская засада, заранее устроенная на пути обычного маршрута автомобилы Дюкло, достаточно красноречиво говорит о том, «случайный» или «преднамеренный» характер носит этот незаконный арест.

Факт ареста депутата Национального собрания Жака Дюкло представляет собой грубейшее нарушение статьи 22-й конституции Франции, провозглашающей неприкосновенность депутатов парламента. Решившись на этот акт поистине произвола, правители Франции показали, что они относятся к конституции как к пустому клочку бумаги.

Посчитавшие на свободу и неприкосновенность депутата чиновники совершили преступление, которое статья 121-я уголовного кодекса Франции квалифицирует как тяжкое и наказуемое лишением всех прав гражданства, политических прав.

Полицейским, задержавшим автомобиль Дюкло заявил протест против нарушения его парламентской неприкосновенности. Но полицейские, как свидетельствует Жильберта Дюкло, ответили, что для них это безразлично, ибо они получили строгий приказ задержать автомобиль Жака Дюкло и всех, кто в нем находится.

Осуществляя свое черное дело, французская полиция продемонстрировала, что она успешно воспринимает «методы» американских гестаповцев. Лица, сопровождавшие Жака Дюкло, — Альфред Визихов и Жорж Горман были жестоко избиты. Когда следователь вызвал Визихова, его рубашка была залита кровью, на лице виднелись следы крови и синяки. Горман какой-то жандарм укусила за ухо...

Таким образом, с момента своего возникновения преследование Жака Дюкло является противозаконным. Незаконный и произвольный арест znamená собой начало серии гнусных полицейских акций.

Эпизод второй: Инсценировка «поминки на месте преступления». В поисках «улик» для обвинения полиция обыскала автомобиль Дюкло и обнаружила «вещественные доказательства»... Какими же эти «вещественные доказательства», призванные обосновать спешно сфабрикованную версию о «заговоре» и о «поминке на месте преступления?»

Это, во-первых, — pistola. Но выясняется, что он принадлежит Горману, которому после покушения на Жака Дюкло в городе Ом, организованного французскими реакционерами, была поручена охрана секретаря ЦК Французской коммунистической партии.

Во-вторых, это — радиоприемник. Однако он оказался самым обыкновенным радио, какие обычно устанавливаются в автомобиллях, а отнюдь не сверхмощным приемником, «конечно, предназначенным для того, чтобы слушать передачи полицейской радиостанции», как лживо утверждал министр внутренних дел Жако.

Наконец, это — два голубя... Полиция уверяла, что голуби, несомненно, почтовые, предназначенные для «тайственных целей», и Брюн подтвердил эту басню. Тем не менее приглашенные полицейские четверые эксперта — по два на каждого голубя! — были вынуждены признать, что эти голуби «относятся к породе свободных» и место им — на скворечнике.

Так, словно мыльный пузырь, лопнула фальшивка о «вещественных доказательствах».

Тогда полицейская гора родила новую мысль: версия о том, будто бы Жак Дюкло был арестован в тот момент, когда он из своей машины руководил «красными митингами» — так полицейские агенты и их министр Брюн осмелились назвать участниками народной манифестации. Несосто-

тельность этой версии ясна: как известно, Дюкло арестован через несколько часов после окончания манифестации...

Эпизод третий: Министры в поисках «подходящего» закона. Немало труда потратило правительство Пина, чтобы найти в уголовном кодексе статью, которую можно было бы использовать для обоснования «обвинения» против Дюкло. Наконец, достойные последователи известного агента Уолл-стрит — американского судьи Медини и начальника пресловутого ФБР Эдгара Гувера достигли успеха...

Французская реакция «обвиняет» Жака Дюкло в мифическом «заговоре против внутренней безопасности государства». Называя это обвинение странным и чудовищным, Дюкло в письме Эдуарду Эррио указывал:

«Именно это обвинение искали в ночь с 28 на 29 мая два министра, которым было поручено отделиться от меня, не останавливаясь перед применением незаконных действий. Это именно так, ибо в тот вечер, когда я был арестован, один из моих заступников поинтересовался в телефонной передаче и услышал в ответ, что министр поехал в министерство внутренних дел рассматривать вместе с г-ном Брюном обвинения, которые могут быть выдвинуты против Жака Дюкло».

В результате длительных совещаний и консультаций министр внутренних дел Брюн и министр юстиции Мартин-Делла совместными усилиями отыскали две статьи уголовного кодекса — 87-ю и 89-ю. Обе они находятся в параграфе, заголовок которого гласит: «О посягательствах и заговорах, направленных против императора и его семьи»...

Из архива времен Наполеона III правительство Пина извлекло статью 87-ю уголовного кодекса 99-летней давности. В этой статье говорится о посягательствах, «целью которого состоит в неисполнении и изменении образа правления, или в изменении порядка престолонаследия, или в возбуждении граждан или жителей к тому, чтобы они вооружились против императорской власти» (всего подчеркнуто мной — С. З.). Статья 89-я была включена в кодекс еще в 1832 году, во время нильской монархии по указке кровавого палача герцога Кавериняка, и направлена на охрану безопасности короля Луи Филиппа...

Надо сказать, что еще в переиздании в 1896 году курса уголовного права известного французского юриста Ж. Бугатр можно прочесть, что статья 87-я более не подлежит применению.

Таким образом, для расправы над Дюкло правительство Пина пыталось использовать законы времен монархии. Видимо, г. Пина и компания квалифицируют лозунг манифестантов: «Рихизу! — убирайся вон!» как покушение на «императорскую власть» нового американского гугльетера...

Обвинение «в покушении на внутреннюю безопасность государства» предъявлено Жаку Дюкло на том основании, что он якобы был «задержан на месте преступления». Само по себе это обвинение свидетельствует о грубом попрании правительством Пина французских законов. Специальный закон 1863 года о порядке производства следствия при поимке с поличным определяет в статье 7-й, что по делам о политических преступлениях не может быть произведен арест на основании «задержания с поличным». Это обстоятельство было особо оговорено в объяснительной записке к проекту закона 1863 года: там в категоричной форме подчеркивалось, что устанавливаемые этим законом правила не могут быть использованы правительством для борьбы с неугодными ему политическими убеждениями.

Содержание этой статьи никогда не вызвало сомнений у французских юристов. «Общее правило, определяющее порядок задержания с поличным, не распространяется на политические преступления», — читаем мы в объяснительном трактате уголовного судопроизводства профессора Гарро. Не менее определенно указывается на необходимость соблюдения предписаний закона 1863 года известным авторитет буржуазного права профессор Парижского университета Донье де Вабр.

Но правительство Пина не желает считаться ни с законами Франции, ни с законами логики.

Что значит «задержание на месте преступления»? Статья 1-я уголовного-процессуального кодекса Франции точно определяет это понятие: задержание «в самый момент совершения преступления или непосредственно после его совершения». Оно предполагает наличие неопровержимых и очевидных доказательств, из которых можно сделать прямой вывод о совершении преступления. Иными словами, должны быть найдены доказательства преступления, неопровержимые в силу своей очевидности.

С этой логикой предъявления доказательств никак не могут совпасть следователь Жакино и те, кто им командует.

Эпизод четвертый: Следователь Жакино «подбирает» досе. 29 мая следователь Жакино заявил, что Жак Дюкло обвиняется на том основании, будто он задержан на месте преступления. Однако в течение более чем двух недель следователь не в состоянии предъявить Дюкло какие-либо конкретные обвинения, хотя уголовно-процессуальный кодекс обязывает его к этому.

6 июня адвокаты Жака Дюкло получили возможность ознакомиться с досе. Но досе — пусто. Отсутствуют какие бы то ни было обвинительные доказательства. 7 июня следователь Жакино, отвечая на вопрос Дюкло: располагает ли следствие какими-либо доказательствами о наличии заговора, признался: «Нет... пока что нет».

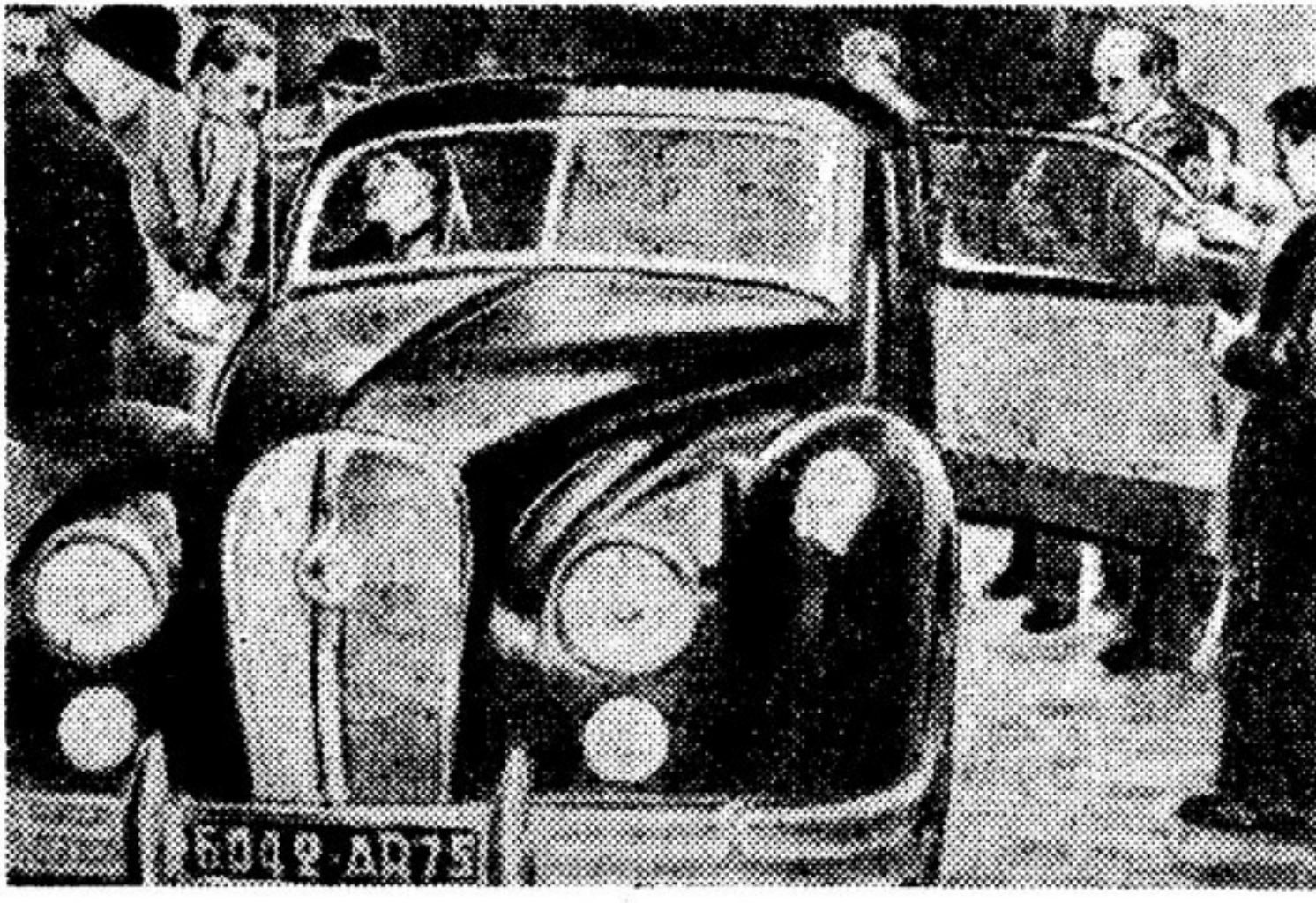
Дюкло о «заговоре против внутренней безопасности государства» возмущено, но спокойно. Связь раздобыть материалы для обвинения, правительство устраивает нал на помещенные ЦК компартии. Фабрикуется фальшивка о якобы находившемся в портфеле Дюкло плане Парижа — «карте штаба заговора». Портфель был похищен у Жака Дюкло сразу же после ареста, в полицейском комисариате. Дюкло тут же разоблачил преступные действия полицейских гангстеров, заявив: «Это — омерзительная провокация. Интересно, что только министерство внутренних дел собираются позлить в мой портфель?»

Портфель исчез. Личь 7 июня в газетной статье «Се матан — Де пей» появилось инспирированное правительством сообщение о том, что при аресте Дюкло был изъят портфель, в котором «обнаружены зашифрованные планы Парижа».

Портфель был «найден» полицией, «опечатан» в отсутствие Дюкло, а затем в нем были «обнаружены» планы. Совершенно очевидно, что эта фальшивка не может служить доказательством, хотя бы потому, что грубо нарушены статьи 87, 88 и 89-я уголовного-процессуального кодекса Франции. Чтобы предпринять возможность фальсификации доказательств, эти статьи требуют, чтобы изымаемые при обыске предметы были бы упакованы и опечатаны в присутствии обвиняемого.

Следователь Жакино, прибыв в сотрясанный полицейский «план заговора» к делу, доказал еще раз, что законы «гарантии» буржуазного уголовного процесса предназначены лишь для обмана народа.

Фальшивка с «планом» типична для фашистских методов подбора «обвинительных» доказательств. Дюкло в письме следователю Жакино подчеркнул: «...В этом «открытии» полицейского происхождения нет ничего оригинального и нового... Гитлеровская полиция действовала именно таким образом, когда она организовывала поджог рейхстага».

Полицейские ищут г. Пина обыскивают автомобиль незаконно арестованного секретаря ЦК компартии Франции Жака Дюкло.

Снимок из французской газеты «Орор»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

«Проверь свой образ мыслей» — так называется статья, напечатанная западногерманским реакционным журналом «Дер шпигель» (в № 1 за 1952 год) и содержащая интересные признания о том, какие формы принимает антикоммунистическая история в Соединенных Штатах Америки. Приводим выдержку из этой статьи:

«В комитис по атомной энергии, центральном исследовательском управлении (американская тайная служба), министерстве обороны, министерствах внутренних дел, в различных правоохранительных органах (как правило, каждое ведомство имеет как сотрудников, занимающих «деловитые» должности, наделают детектор лжи».

После этого три-четыре следователя подробно описывают образ расследования испытуемого о его идеологической позиции, о круге его знакомых, а также об октимальной стороне его личной жизни.

Конечно же, он неосторожно сползает где-нибудь с своей работой — производя каверзные, сбивающие с толку вопросы. Если студент детектора дает скачок, то испытуемого тотчас же увольняют с работы, и начинается всестороннее расследование».

«Этот аппарат представляет собой не что иное, как известный прибор для измерения кровяного давления, сконструированный с наделавшей на шумную репутацию профессора Эймса Числа дыхательных движений. Оса прибора соединены элетрическими проводами с машиной, которая фиксирует нарушения ритма пульса и дыхания допрашиваемого».

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Гонка вооружений в Соединенных Штатах Америки повлекла за собой небывалый в истории рост налогов. В свое очередь рост налогов привел к дальнейшему снижению жизненного уровня американских трудящихся. Все это носит настолько серьезные и угрожающий характер, что даже реакционная американская пресса не в состоянии обойти молчанием волнующие весь народ проблемы. Буржуазные газеты и журналы пытаются «отшутыться», предлагая вниманию читателей всевозможные «развлекательные» рисунки на тему, которая — никому не кажется смешной.

Да и как она может казаться смешной, если американскому народу предстоит выплатить в 1951/52 финансовом году федеральные налоги в размере свыше 89 миллиардов долларов — одиннадцать раз больше, чем в 1937/38 году!

Помещаемый нами рисунок, взятый из реакционного журнала «Тайм», характерен для карикатур этого «жанра». На рисунке американский налогоплательщик изображен в виде дойной коровы, доведенной до состояния крайнего истощения. Традиционная шляпа «дан Самы», которая служит верлом, символизирует бездонный сосуд налогов, поглощающий львиную долю заработка «среднего американца»...

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 2-е полугодие 1952 г. на «Литературную газету»

Подписчикам, у которых в июне истекает срок подписки, необходимо заблаговременно ее продлить. ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 6 месяцев — 31 руб. 20 коп. На 3 месяца — 15 руб. 40 коп. Подписка принимается городскими и районными отделениями Союзцентра, конторами, отделениями и агентствами связи, почталюнами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках и заводах, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях и в учреждениях.